

УЛЬТИМАТУМ 2032 ГОДА

Хроника Евразийского мира

УЛЬТИМАТУМ 2032 ГОДА.....	1
ПРОЛОГ: МОЛЧАНИЕ ВАШИНГТОНА.....	3
ГЛАВА 1: ДЕТИ ФРАНЦИИ.....	5
ГЛАВА 2: ВАШИНГТОНСКАЯ ЗАПISКА.....	9
ГЛАВА 3: ПРОБУЖДЕНИЕ МЕДВЕДЯ.....	13
ГЛАВА 4: ПАЛЕЦ НА КНОПКЕ.....	17
ГЛАВА 5: НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.....	21
ГЛАВА 6: ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗИМА.....	25
ГЛАВА 7: ПЛАН «ФЕНИКС».....	29
ГЛАВА 8: СОЛНЦЕ КАДАРАША.....	32
ГЛАВА 9: ТЕНИ МИРА.....	36
ГЛАВА 10: ЮЖНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ.....	40
ГЛАВА 11: СТАЛЬНОЙ ДРАКОН.....	44
ГЛАВА 12: ПРИЗЫВ КВЕБЕКА.....	48
ГЛАВА 13: КРАСНАЯ ЛИНИЯ.....	52
ГЛАВА 14: ЦИФРОВАЯ ЦИТАДЕЛЬ.....	56
ГЛАВА 15: ЕВРАЗИАТСКИЙ ПАКЕТ.....	60
ЭПИЛОГ: КРАСНЫЙ ПАСПОРТ.....	63

ПРОЛОГ: МОЛЧАНИЕ ВАШИНГТОНА

14 января 2032 г.

Вашингтон, округ Колумбия, США.

23:45 по местному времени.

Дождь хлестал по пуленепробиваемым окнам западного крыла Белого дома, окутывая столицу серой ледяной дымкой. Для адмирала Анри де Кастри, главы французской военной миссии в США, этот ливень зловеще напоминал похороны.

Его не приняли ни в Овальном кабинете, ни даже в...*Ситуационная комната* Нет, интервью проходило в отдельной комнате, почти анонимно, с советником по национальной безопасности Томасом Уэйном. Ни кофе, ни протокола, ни дипломатичных улыбок. Просто два усталых мужчины, знакомые двадцать лет и осознающие, что мир только что изменился.

Уэйн стоял у незажжённого камина, держа в руке тёмно-синюю папку. Он ни разу её не открывал. В этом не было необходимости.

«Ты не можешь этого сделать, Том, — сказал Анри, нарушив длившуюся целую минуту молчание. — Не сейчас. Русские сосредоточили триста тысяч солдат на польской границе. Киев на грани краха. Если ты выведешь средиземноморскую авианосную ударную группу, это будет зелёный свет для Москвы».

Американец тяжело и устало вздохнул. Он положил папку на журнальный столик из красного дерева.

«Это не вывод войск, Анри. Это передислокация. Тайвань находится в блокаде уже три дня. Наши спутники фиксируют перемещения шахтных аппаратов в Северном Китае. Президент ясно дал понять: мы не можем быть везде».

«Европа падёт», — ровным голосом заявил французский адмирал.

Уэйн наконец повернулся к нему. Его взгляд был холодным, лишенным обычной сострадательности бывших союзников.

— У Европы был выбор, Анри. Шесть месяцев назад в Женеве Путин предложил заморозить границы и сохранить нейтралитет в Черном море. Мы были готовы подписать. Кто отказался? Кто заявил о моральном предательстве? Берлин. Варшава. Брюссель. Они хотели играть жестко, но у них не было достаточно аргументов, чтобы продержаться три дня.

— Они рассчитывали на тебя.

— Это была их ошибка. Американские налогоплательщики не будут платить за гордость Германии. Атлантика превратилась в музей, Генри. Наше будущее — в Тихом океане.

Уэйн подошел и понизил голос, словно делая секретом, который никогда не должен был переступить порог этих стен.

— Вот неофициальный ультиматум. Доставьте его в Елисейский дворец, и только в Елисейский дворец. У вас есть семьдесят два часа, чтобы убедить ваших европейских партнеров принять российские условия. Если вы потерпите неудачу, если Европа выберет войну... мы не придем. Статья 5 сегодня вечером мертва.

Анри де Кастри почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он снова увидел лица европейских дипломатов, их уверенность, их пламенные речи о «ценностях» и «неизбежной победе». Они были словно лунатики, идущие к пропасти.

«А что будет с Францией?» — спросил Анри. — «Если всё рухнет?»

Американец протянул ему руку, это был последний прощальный жест.

— Франция всегда умела выживать, мой друг. У тебя есть бомба. У тебя есть армия. А остальные... Боже, помоги им.

Адмирал вышел под проливной дождь, не открыв зонт. Его ждал дипломатический автомобиль. Усевшись на заднее сиденье, он достал свой защищенный телефон. Он набрал зашифрованный номер, прямую линию связи с Министерством вооруженных сил в Париже.

Он думал о своих детях. Он думал о тысячах молодых солдат, дислоцированных в Румынии и Эстонии. Он думал о фразе, которую собирался произнести, о той, которая подпишет смертный приговор целой цивилизации.

— Здравствуйте, господин министр? Это Де Кастри... Они нас бросают. Всё кончено. Готовьтесь.

В вашингтонской ночи огни Капитолия словно мерцали. Эпоха Дикого Запада только что закончилась. Эпоха огня вот-вот должна была начаться.

ГЛАВА 1: ДЕТИ ФРАНЦИИ

15 января 2032 г.

Париж, Балард (Министерство вооруженных сил).

06:00, местное время.

Париж не просыпался; казалось, он мучительно выбирался из кошмара, сотканного из камня и тумана. Мелкий ледяной дождь, словно стальные слезы, хлестал по огромным склонам комплекса Балард. С высоты птичьего полета комплекс уже не был простым административным зданием, а превратился в белую крепость, стоящую на страже у края кольцевой дороги, последний бастион разума против безумия, сотрясавшего границы мира.

На шестом цокольном этаже, вдали от глаз людей, воздух был пропитан запахом электрической пыли и хранил тяжелые тайны. Это был Центр оперативного планирования и управления (ЦОДУ).

Министр вооруженных сил Марк Севенье резко бросил на стол красную трубку видеонаблюдения. Прямая связь с Елисейским дворцом только что была прервана. Его кулаки побелели от напряжения.

«Он колеблется», — выпалил он, голос его дрожал от сдерживаемой ярости.

Генерал Пьер Валери, начальник штаба обороны, стоял рядом с цифровой картой, на которой концентрировалась «красная волна» российских войск на польской границе. Он повернулся к министру.

— Президент?

— Монтень боится, Пьер. Он говорит о «дипломатической тактике затягивания». Он думает, что мы еще можем успокоить ситуацию санкциями и сладкими словами. Он не видит, что Берлин уже заряжает оружие. Если Франция сейчас проявит хоть малейший признак слабости, русские продвинулись до самого Атлантического океана.

Севенье подошел к карте, всматриваясь в красные точки так, словно хотел сжечь их силой своей воли. Он был «ястребом», человеком, убежденным, что только демонстрация силы может сохранить мир. Для него война не была самоцелью, а угроза войны была единственным оставшимся инструментом.

«Подтвердил ли Де Кастри вывод американских войск?» — спросил Валери.

— Статья 5 была отменена прошлой ночью. Мы остались одни. Поэтому я должен выступить сегодня вечером.

— Президент это запретил?

Он сказал мне: «Никакой провокации, Марк. Не подливай масла в огонь».

Севенье горько рассмеялась.

«Он ошибается. Огонь уже разгорелся. Если я не расскажу французам, что происходит, они завтра проснутся под градом бомб, думая, что это всего лишь учения. Я должен разрушить их самоуспокоенность. Я должен напугать их, чтобы снова сплотить. Если Москва увидит, что Франция готова пролить кровь, Путин заколеблется. Это наш единственный шанс на сдерживание».

— Иначе, — тихо сказал Валери, — вы сами разожжете тот пожар, который хотите потушить.

Севенье поправил галстук перед темным отражением пуленепробиваемого окна.

— Я иду на риск. Подготовьте тезисы для выступления. Я хочу, чтобы это было жестко. По-настоящему. Без обиняков.

20:00

Съемочная площадка новостного канала телеканала TF1.

Атмосфера на съемочной площадке была наэлектризована. Марк Севенье, с серьезным лицом, смотрел на звездного ведущего. Он знал, что за кулисами Елисейского дворца Адриен Монтень, должно быть, не отрывал глаз от экрана, стиснув зубы и молясь, чтобы его министр сохранил спокойствие.

Севенье не собирался быть сдержанным. Он хотел мыслить объективно.

«Министр, — начал журналист, — Европа затаила дыхание. Ходят слухи о мобилизации. Присоединится ли Франция к «Великой коалиции за свободу», к созданию которой призывает Берлин?»

Севенье глубоко вздохнул. Он посмотрел в камеру. Он хотел разбудить французского льва, задеть его гордость и подготовить к битве.

— Мадам, тридцать лет мы жили в саду, защищенном стенами, которые другие сохранили для нас. Мы верили, что история закончилась, что нам положен мир. Сегодня вечером я пришел сказать вам, что стены рухнули.

На съемочной площадке воцаряется все более гнетущая тишина.

— Время дипломатических иллюзий прошло. На Востоке готовится не полицейская операция, а конфликт высокой интенсивности. Жестокая, индустриальная война, подобной которой мы не видели с 1945 года.

Он наклонился вперед, его взгляд просматривал экран, пытаясь разглядеть каждого гражданина.

— Наши немецкие и польские союзники говорят о скорой победе. Они говорят о моральном крестовом походе. Но война — это не вопрос морали. Это испытание

силы. И если Франция решит вступить в этот ад, чтобы сохранить свои позиции, я не буду лгать вам о цене, которую придется заплатить.

Это был тот самый момент. Шокирующая фраза. Та, которая должна была стать патриотическим толчком.

— Мы говорим не о беспилотниках дальнего действия или санкциях. Мы говорим о железе и огне. Если мы выберем войну, Франция должна, начиная с сегодняшнего вечера, принять ужасную идею войны. **потеря своих детей.**

Журналистка пошатнулась, лицо ее побледнело.

— Потерять... детей?

«Целое поколение», — непреклонно настаивала Севенье. «Такова цена свободы перед лицом империи, которая не остановится ни перед чем. Готовы ли вы заплатить эту цену? Потому что если нет, то мы уже проиграли».

Севенье хранил молчание. Он считал, что выступил с призывом в духе Черчилля, бросил вызов национальной храбрости. Он думал, что заложил основы сдерживания силой воли.

Он не знал, что только что выдернул чеку из гранаты посреди толпы.

20:45. За кулисами съемочной площадки.

Севенье покинул студию измученный, но довольный. Он сказал правду. Он отнёсся к французам как к взрослым.

К нему подбежал его пресс-атташе, обычно невозмутимый молодой выпускник Национальной школы администрации (ENA). Он весь вспотел, телефон дрожал у него в руке.

— Господин министр... Это... Это катастрофа.

— Что? Русские отреагировали?

— Нет. Французы.

Атташе вручил ему планшет. На экране ярко-красными, истеричными рекламными баннерами прокручивались информационные табло.

Срочные новости: паника на азиатских рынках после речи Севени.

Фьючерсы CAC 40: -12% за десять минут.

НАПРЯЖЕНИЕ К БАНКОМАТАМ: В ПАРИЖЕ И ЛИОНЕ ВЫСТУПАЮТ ОЧЕРЕДИ У БАНКОВ.

#ВОЕННЫЙ #ПОЛЕТ: ХЭШТЕГ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ГЛАВНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ.

— Что это? — пробормотала Севенье.

— Люди не сдерживают мужества, сэр. Они сдерживают «потерю детей». Они паникуют. Серверы BNP и Société Générale рухнули под наплывом подключений. Люди опустошают свои счета. Золото раскупается мгновенно. Это...*банковская паникана*циональный напрямую.

Зазвонил телефон Севенье. Резкий, приоритетный звонок. На экране отобразилось:**ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ.**

Севенье медленно подняла трубку. Голос Адриена Монтеня не был голосом военачальника. Это был голос человека, который видел, как земля уходит из-под ног.

«Ты видел, Марк?» — крикнул президент, его голос был искажен болью. «Ты видел, что ты сделал?»

— Я хотел подготовить их... Я хотел показать нашу решимость...

— Вы напугали всю страну! Мне поступают сообщения о масштабных пробках на окраинах Парижа. Люди бегут в сельскую местность! Экономика остановилась, слышите? Полностью остановилась! Как вы ожидаете, что я объявлю войну завтра, если мой собственный народ сегодня ночью рухнет финансово и морально?

— Господин президент, это поспешная реакция, она утихнет, мы должны держать оборону...

«Очереди больше нет!» — перебил Монтень. «Вы хотели отговорить Путина? Вы только что показали ему, что мы картонный домик. Возвращайтесь в Балард и молчите. Мне нужно позвонить управляющему Банка Франции, прежде чем начнутся беспорядки».

Связь прервалась.

Марк Севенье оставался один в холодном коридоре, держа в руке беззвучный телефон. Он хотел быть Клемансо. Он был лишь предвестником беды.

Он выглянул в окно студии. Под проливным дождем фары автомобилей уже образовывали бесконечные красные реки на кольцевой дороге. Исход начался. Франция не собиралась воевать. Она слишком боялась потерять то небольшое, что у нее осталось.

Ультиматум начался, а Франция лишь моргнула глазом.

ГЛАВА 2: ВАШИНГТОНСКАЯ ЗАПИСКА

16 января 2032 г.

Брюссель, отель «Берлаймонт».

Совет слепых.

Брюссель не был каменной крепостью, как Париж. Это был город из стекла и стали, прозрачный собор, воздвигнутый во славу разума, норм и консенсуса. Но в ту ночь, подгоняемые северным ветром, огромные окна тринадцатого этажа казались опасно тонкими, хрупкой мембраной между тишиной и теплом офисов и бушующей снаружи бурей.

В Теневой комнате — овальном звукоизолированном помещении, отрезанном от гражданских сетей, — воздух был кондиционированным, стерильным, почти стерильным. Семь человек сидели вокруг черного деревянного стола. Семь лиц, принимающих решения, которые не вспотели.

Адмирал Анри де Кастри, представлявший Францию, сидел отдельно. Он смотрел не на своих коллег, а на свои защищенные смарт-часы. Часы вибрировали на его запястье. Одиночный, едва заметный импульс. Зашифрованное сообщение, поступающее непосредственно из бункера Елисейского дворца:

"ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПРИКАЗ: НИЧЕГО НЕ ПОДПИСЫВАТЬ. НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАТЬ. ОЦЕНИТЬ ИХ ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО СООБЩИТЬ."

Де Кастрис коснулся экрана, подтверждая получение, и поднял взгляд. Он увидел канцлера Германии Эрику фон Холлен. Она не дрожала. Она не плакала. Она изучала графики на своем планшете с точностью финансового аудитора, проверяющего банкротство. Рядом с ней польский министр Марек Ковальский презрительно улыбался, словно человек, ожидающий боя, в котором он наверняка одержит победу.

Тяжелая дверь открылась. Вошел Томас Уэйн, посланник Вашингтона.

Он не был похож ни на дипломата, ни на судебного пристава, пришедшего конфисковать мебель. Он положил на стол синюю папку. Единственным звуком в комнате был резкий шорох бумаги о дерево.

«Дамы и господа, — тихо произнес Уэйн, без всяких предисловий. — Президент принял решение. Орёл возвращается в гнездо».

Не было ни крика. Только холодное, расчетливое молчание.

«Вот записка из Вашингтона, — продолжил американец. — У вас два варианта. Вариант А: вы принимаете российские условия. Нейтралитет Украины, демилитаризация Востока. Это политическое унижение, я признаю. Но это мир».

Он сделал паузу, внимательно разглядывая бесстрастные лица.

— Вариант Б: Вы отказываетесь. Вы выбираете конфронтацию. Но послушайте меня внимательно: если вы откроете огонь, вы останетесь одни. ВМС США получили приказ вернуться на Гуам. НАТО не существует с полуночи.

Уэйн ждал реакции. Он ожидал страха, мольбы.

Вместо этого канцлер фон Холлен отложила планшет. Она с ледяным спокойствием поправила очки. Она посмотрела на Уэйна так, как смотрят на некомпетентного сотрудника, которого вот-вот уволят.

«И это всё, мистер Уэйн?» — спросила она.

Американец удивленно моргнул.

— Это полный отказ от дела, госпожа канцлер. Вы, кажется, не понимаете всей серьезности ситуации...

— Я прекрасно понимаю, — резко и по-профессорски перебила она. — Вы пытаетесь шантажировать нас угрозой выхода из ЕС, чтобы заставить нас принять российский диктат. Это очень примитивная тактика ведения переговоров.

Она встала и подошла к окну, повернувшись спиной к посланнику.

— Давайте поговорим о фактах, мистер Уэйн. Давайте поговорим о цифрах. ВВП России эквивалентен ВВП Испании. Это экономический карлик. Автозаправочная станция с ядерным оружием, которое они никогда не осмелятся применить.

Она обернулась, на ее губах играла снисходительная улыбка.

— Вы говорите о войне? С чем? Наши разведывательные службы однозначно заявляют: их танки — это отремонтированные советские реликвии; их микрочипы — это третьесортная китайская контрабанда. Мы, Европейский союз, представляем собой ведущую торговую державу мира. Мы обладаем технологическим, промышленным и бюджетным превосходством.

Поляк Ковальски вмешался, в его голосе сквозила воинственная надменность.

Наши расчеты очевидны. Если Москва хоть немного дернется, наши беспилотники и ВВС отправят ее в каменный век за 72 часа. Они блефуют. Путин играет в покер с парой джок. А вы, американцы, просто сбрасываете карты. Это жалко.

Уэйн недоверчиво покачал головой.

— Это не покер, это война. Вы недооцениваете их стойкость. Вы недооцениваете их скрытые запасы. Медведев не умер, он впал в спячку.

«Медведев — ничтожество!» — заявил фон Холлен, постукивая пальцем по

американскому досье. «Если мы поддадимся их шантажу, евро рухнет. Доверие к нашему единому рынку будет подорвано. Мы не можем позволить себе экономическое отступление. Поэтому мы не отступим».

Она бросила синюю папку на пол, как мусор.

— Скажите своему президенту, что Европе не нужна Америка для управления ослабевающей региональной державой. Мы отвергаем ультиматум. Мы мобилизуем наши силы и навлечем мир посредством технологического превосходства. Это вопрос логики.

Затем она повернулась к адмиралу де Кастри, который молча скрывался в тени.

— Франция согласна, Анри? Неужели ведущая армия Европы будет запугана сфальсифицированной российской статистикой?

Все взгляды обратились к французу. Это был момент истины.

Де Кастрис снова почувствовал, как дернулось его запястье. Второе сообщение: *Пусть запрут. Молчите.*

Он посмотрел на фон Холлен. Он увидел в ней не храбрость, а...высокомериеУжас. Высокомерие технократов, которые считают, что война подчиняется законам рынка. Они собирались отправить молодых людей на смерть, потому что подсчитали, что ВВП России слишком низок для победы. Они путали деньги со сталью.

Он мог бы их предупредить. Он мог бы рассказать им о ракетах.ЦирконИх не волновал ВВП.

Но он помнил приказ. *Ничего не подписывайте. Наблюдайте.*

Адмирал де Кастри сложил руки на столе. Он преподнес канцлеру гладкую, нечитаемую маску — мраморную.

«Франция принимает к сведению ваш анализ, госпожа канцлер», — просто сказал он нейтральным голосом.

Фон Холлен воспринял это клиническое наблюдение как подтверждение правильности своего мнения.

— Хорошо. Европа едина.

Томас Уэйн поднял с пола свою папку с документами. Он смотрел на европейцев со смесью жалости и страха. Он понимал, что нет смысла спорить с людьми, живущими в альтернативной реальности, состоящей из кривых роста.

«Вы не пойдете на победу, — тихо сказал американец. — Вы идете на бойню».

Он вышел. Тяжелая дверь захлопнулась перед «Советом слепых».

Снаружи дождь усилился, барабанил по хрупким стеклам здания Берлаймон. Внутри канцлер заказала кофе и снова открыла свои электронные таблицы Excel, убежденная, что уже выиграла войну. Де Кастри, со своей стороны, отправил в Париж единственное загадочное сообщение:

САМОУБИЙСТВЕННЫЕ ПЛАНЫ.

ГЛАВА 3: ПРОБУЖДЕНИЕ МЕДВЕДЯ

18 января 2032 г.

Смоленская область, командный бункер «Запад».

Час Суда.

Земля ещё не дрожала, но электромагнитный спектр уже беззвучно кричал. На бескрайних равнинах Востока, где горизонт сливается с белой зимней пустотой, вот-вот должно было столкнуться два мировоззрения.

Погребенный на глубине шестидесяти метров под вечной мерзлотой, в соборе из бетона и кабелей, маршал Николай Волков ждал. Он не был человеком речей. Он был человеком дела и стали, ветераном, знавшим, что войну выигрывают не презентациями в PowerPoint, а снарядами.

Перед ним, на огромном голографическом экране, продвигалась "Великая европейская армия".

Это было впечатляющее зрелище. Колонны танков Leopard 3 и Leclerc XLR, объединенные в сеть, пересекли польскую границу. В небе эскадрильи истребителей Eurofighter и F-35, напичканные датчиками, сканировали горизонт. Они были уверены, что видят всё. Они думали, что их «боевая облачная оболочка» даёт им всеведение.

«Они входят в зону боевых действий, маршал», — объявил оператор. «Их радары управления огнём активны. Они ведут поиск целей».

Волков печально улыбнулся. Европейцы искали танки и самолеты. Они искали симметричную, «честную» войну.

«Они найдут только призраков», — пробормотал Волков. «Выключите свет. Активируйте протокол «Шёпот».

Этап 1: Слепота

Ровно в 10:00 утра экраны управления НАТО в Рамштайне и Варшаве замигали. Затем они погасли.

Это был не взрыв, а удушье. Тысячи терабайт ненужных данных заполнили европейские логистические серверы. В то же время западные спутники связи были «ослеплены» наземными лазерами или подавлены мощными помехами.

В кабинах F-35 пилоты увидели, как их каналы связи загорелись красным. Позиции союзников исчезли. Радиолокационные изображения от AWACS пропали. Самые совершенные самолеты в мире внезапно ослепли и оглохли, оказавшись изолированными в сером небе.

Фаза 2: Насыщение La

«Они дезориентированы, — отметил российский оператор. — Их построения распадаются».

«Впустите рой», — приказал Волков.

Из белорусских лесов и российских степей первыми появились не гиперзвуковые ракеты, а беспилотники. Тысячи беспилотников. *Грант-5* Пропеллерные, медленные, шумные, пластиковые, стоят несколько сотен евро. А вместе с ними — старые советские ракеты, доставшие из консервации, без взрывных устройств, просто для пополнения боекомплекта.

На европейских радарх, качество изображения на которых было снижено, царил хаос. Тысячи целей неслись прямо на них.

Зенитные батареи Patriot и Mamba, флагманские образцы западных технологий, отреагировали так, как и было запрограммировано: они вступили в бой с угрозой.

Небо озарилось шлейфами дыма. Европейские ракеты-перехватчики — технологические чудеса, каждая из которых стоит два миллиона евро, — устремились сбивать беспилотники из пенополистирола стоимостью пятьсот евро.

Это было экономическое уравнение, и Европа теряла его со скоростью звука.

Фаза 3: Истощение

Шесть часов. На это ушло всего шесть часов.

В передовом штабе польской армии генерал побледнел, глядя на своего офицера по материально-техническому обеспечению.

— Что вы имеете в виду под «Винчестером»?

— У нас закончились боеприпасы, генерал. Батареи «Патриот» на Висле израсходовали все свои боеприпасы на первую волну. Запасы резерва... исчерпаны.

— Пусто? Но у нас запланированы поставки!

«Это операция "точно в срок", генерал. Заводы в Германии могут производить только четыре ракеты в месяц. Мы же за одно утро выпустили триста. В ангарах ничего не осталось».

Это была смертельная тайна Европы. В течение десяти лет она оптимизировала свои запасы для мирного времени, управляя войной так же, как супермаркет управляет своими йогуртами: нулевые запасы, сплошной поток.

С другой стороны, Волков потратил пять лет на создание подпольной «военной

экономики». Его заводы работали в три смены по восемь часов, накапливая горы боеприпасов в секретных бункерах на Урале.

У Европы была армия для спринта. У России была армия для марафона. И спринт только что закончился.

Этап 4: Молот

В бункере «Запада» Волков увидел, как индикаторы вражеской обороны загорелись зеленым. Европейские батареи молчали, их пустые пусковые установки были направлены в небо, словно мертвые руки.

«Они голые», — сказал Волков. «Давайте покончим с этим».

Он нажал клавишу.

На этот раз физика вновь заявила о себе, жестокая и безжалостная. *Iskander-МиКинжал* Они взлетели. Они не летели по волшебству. Они просто летели слишком быстро и слишком высоко для своей истощенной защиты.

Они нанесли удар с хирургической точностью. Не танки на передовой, а логистические решения.

Топливные склады немецкой армии: испарились.

Мосты через реку Одер: разрушены.

Командные центры: скрыты.

Авиабазы: изрыты воронками.

В течение 48 часов это был методичный обстрел. Европейские танки, лучшие в мире, стали бесполезны. Без топлива, без приказов, без воздушного прикрытия они превратились в неподвижные стальные мишени в грязи.

Отважные европейские пилоты продолжали взлетать, но без систем ДРЛО, которые могли бы их направлять, их сбивали российские комплексы С-500, которые всё видели.

Утром третьего дня, 21 января, на польской равнине воцарилась тишина. Это была не мирная тишина, а тишина поражения.

Европа думала, что играет в технологическую шахматную партию. Россия же играла в регби железным прутом.

В своем бункере Волков налил себе чашку горячего чая. В его глазах не было триумфа, только усталость человека, который знал все с самого начала.

«Они забыли единственное важное правило, — сказал он своему адъютанту. — Количество само по себе обладает качеством».

Медведь проснулся. И он только что сломил хребет Запада.

ГЛАВА 4: ПАЛЕЦ НА КНОПКЕ

21 января 2032 г.

Елисейский дворец, Париж.

ПК Юпитер (подвал бункера).

23:50.

В президентском бункере, заваленном пятидесятиметровым слоем железобетона, воздух был пропитан гулом серверов и едким запахом подавленного страха. Кризисный центр был полон. Сотрудники штаба, дипломатические советники, офицеры связи: у всех были серые лица, темные круги под глазами, все они были прикованы к главному экрану.

Карта Европы истекала кровью. Польская линия фронта исчезла. Российские бронетанковые дивизии прорвали оборону. Варшава больше не отвечала. Передовые отряды гвардии уже переправлялись через Одер. Берлин находился в зоне досягаемости артиллерии.

Президент Адриен Монтень сидел в центре U-образного стола. Он не смотрел на экран. Он смотрел на генерала Пьера Валери, своего начальника штаба обороны (СЕМА).

Генерал стоял неподвижно, в безупречной форме. В руках у него был черный портфель, прикрепленный к запястью стальными наручниками. Тот самый «портфель».

«Господин президент, — сказал Валери ровным голосом. — Время для принятия решения прошло. Мы зашли в тупик».

Он положил свободную руку на портфель.

Статья 42.7 Договора о Европейском союзе недвусмысленна. В случае вооруженной агрессии мы должны оказывать помощь и содействие всеми средствами. Наши союзники терпят поражение. Честь Франции под угрозой. Мы должны нанести удар.

Монтень провел рукой по лицу.

— Нанести удар... Ты говоришь об апокалипсисе, Пьер. Если я отдам приказ, *Ужасный* выпускает шестнадцать ракет М51. Москва исчезает. А двадцать минут спустя Париж превращается в радиоактивный кратер.

«Это сдерживание, сэр, — настаивал генерал, его глаза сияли воинственным пылом. — Если мы не откроем огонь сейчас, наше слово ничего не будет стоить. Франция будет опозорена на тысячу лет. Это она позволит своим братьям умереть».

Монтень медленно поднялся. В комнате воцарилась абсолютная тишина.

— Честь... — пробормотал президент.

Он устремил взгляд на генерала.

— Я не пожертвую шестьдесятю семью миллионами французов ради спасения вашей чести, генерал. Я не буду президентом, который превратил эту страну в кладбище, чтобы почтить клочок бумаги, подписанный тридцать лет назад.

Резкий звонок нарушил атмосферу. Защищенная телефонная линия в Европу.

Монтень сел и взял телефон. Он включил громкую связь. Голос Эрики фон Холлен заполнил комнату. Она не плакала. Она не кричала. Ее голос был металлическим, холодным, пугающим в своей отчаянной ясности.

— Адриен, — сказал канцлер. — Мои генералы говорят, что вы ещё не открыли свои зернохранилища.

— Нет, Эрика.

— Ты же знаешь этот договор, Адриен. Статья 4. Статья 42.7. Это закон. Это основа нашей цивилизации. Если ты сейчас не откроешь огонь, ты не только уничтожишь Альянс. Ты разрушишь саму идею Европы. Ты разрушишь Закон.

— Если я выстрелю, Эрика, я уничтожу жизнь.

«Жизнь без закона — ничто!» — заявила немка. «Европа — это юридическая конструкция. Если Франция, ядерный гарант, уклонится от своих обязанностей, то Союза никогда и не существовало. Вы позвольте нам умереть, чтобы спасти свою шкуру? Это вы называете величием Франции?»

— Прости, Эрика.

Не извиняйтесь. Будьте союзником! Стреляйте! Это юридическая обязанность!

Монтень прервал разговор. Вернулась тишина, еще более тяжелая, чем прежде. Он только что убил политическую Европу. Он знал это. Валери посмотрел на него с нескрываемым презрением.

— Выходи, — сказал Монтень.

- Сэр ?

— Все вон. Оставьте меня наедине с Красной линией.

Офицеры эвакуировались с некоторой нерешительностью. Валери ушел последним, прижимая к себе ядерный портфель, словно священную реликвию, которая только что была осквернена.

Монтень оставался один, глядя в старый черный телефон, подключенный к Кремлю. Больше не было договоров, больше не было Европы, больше не было друзей.

Оставались только ядерная физика и теория игр.

Он взял трубку.

Переводчика нет. На другом конце провода спокойное дыхание.

— Добрый вечер, Адриен.

Голос Владимира Путина был спокойным и прагматичным. Никакого триумфа, лишь наблюдение.

— Владимир.

«Мои инфракрасные спутники обнаруживают тепловую активность вокруг ваших шахт в Бретани, — сказал россиянин. — А мои сонары следят за ними». *Ужасный* в Северной Атлантике.

«Они готовы», — подтвердил Монтень.

— Я знаю. Послушай меня внимательно, Адриен. Это не фильм. Я угрожаю тебе не ради забавы. Это уравнение. Если в твоём доме откроется хотя бы одна дверца-ловушка, моя система... *Периметр* Это автоматически запускает всё, что у меня есть. Шесть тысяч голов. Больше не будет Франции, больше не будет России. Только пепел.

Путин сделал паузу.

— Но меня не интересует уничтожение Франции. Вы на меня не нападали. Ваши самолеты оставались на земле.

— Что вы посоветуете?

— Неподвижность. Вы держите свои бункеры закрытыми. Я держу свои закрытыми. Мои танки остановятся на Одере. Я не перейду Рейн. Я не трону ни одного французского гражданина.

— А Германия? Польша?

— Это континентальный вопрос, который тебя больше не касается, Адриен. У тебя есть выбор. Ты можешь умереть за них сегодня ночью. Или ты можешь жить, чтобы восстанавливать всё завтра.

Монтень закрыл глаза. Он снова увидел лицо генерала Валери, говорящего о чести. Он снова увидел лица своих собственных детей.

Это была дилемма заключенного. Если один предаст, ему сойдет с рук. Если оба объединятся в деле уничтожения, погибнут все.

«Я не буду стрелять, — сказал Монтень. — При одном условии».

— Я слушаю.

— Полная защита французской территории. И признание нашей сферы влияния в Средиземноморье. Если вы нарушите это соглашение, я заберу всё, даже если будет слишком поздно.

— Согласен. Это логично.

— Меня проклянет история, Владимир.

— Историю пишут те, кто выжил, Адриен. Мертвые ничего не пишут.

Связь прервалась.

Монтень повесил трубку. Руки у него не дрожали, но внутри его пробирал холод. Он только что спас шестьдесят семь миллионов жизней. И для этого ему пришлось нанести удар Европе прямо в сердце.

Дверь открылась. Вошёл Валери, всё ещё надеясь получить приказ открыть огонь.

— Господин президент?

Монтень встал. Казалось, за десять минут он постарел на десять лет.

— Генерал, отдайте приказ Стратегическим океаническим силам вернуться в состояние готовности. Мы не будем стрелять.

— Но... Германия...

— Германия осталась одна, Пьер. Подготовь мой самолет. Мы улетаем в Швейцарию для переговоров о перемирии.

Генерал Валери отдал честь, напряженно, с закрытым лицом. Он подчинился, но в его глазах Монтень прочитал слово, которое он будет нести как крест до конца своих дней: *Предатель*.

«Поехали», — сказал Монтень. «Нам еще нужно спасти одну страну».

ГЛАВА 5: НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

23 января 2032 г.

Швейцарские Альпы, кантон Валле.

На борту «Левиафана», бронированного дипломатического поезда.

4:00 утра.

Буря, опустошавшая Европу, остановилась здесь, нарушаемая вечными вершинами Альп. В этом ледяном убежище война была лишь далёким эхом.

Черный железный змей бесшумно скользил в ночи. Внутри центрального вагона, отделанного темными деревянными панелями, время, казалось, остановилось. Слышался лишь размеренный стук колес по рельсам, отбивающий ритм судьбоносного обратного отсчета.

Адриен Монтень сидел напротив Владимира Путина. Французский президент больше не носил галстук. Воротник его был расстегнут, кожа серая, глаза под глазами красные. Он выглядел как человек, только что прошедший через ад, не обжегшись, но оставивший свою душу в пламени.

Перед ними лежал единственный толстый документ в черном кожаном переплете: «Альпийский договор».

«Всё на месте?» — спросил русский. Его голос был спокойным, как у человека, выигравшего шахматную партию ещё до того, как он сделал ход королём.

Монтень положил руку на спинку стула. Он почувствовал текстуру кожи под влажными пальцами. Его внезапно, сильно вырвало. То, что он собирался сделать, было не дипломатией. Это было вскрытие еще теплого тела.

«Давайте перечитаем дополнительные пункты», — хриплым голосом сказал Монтень. «Я хочу, чтобы не было никакой двусмысленности».

Он открыл файл на странице 14, в приложении «Энергетика и реконструкция».

—**Секретный пункт номер 1**, лут Монтень. *Российская Федерация гарантирует Французской Республике исключительный и приоритетный доступ к обогащенному урану, природному газу и редкоземельным элементам на не подлежащий обсуждению срок в пятьдесят лет. Поставки будут осуществляться по фиксированной цене, на 40% ниже мировой цены 2030 года.*

Русский кивнул, на его губах играла едва заметная улыбка.

«Такова цена вашего нейтралитета. У вас будет самая дешевая энергия в мире, Адриен. Ваша промышленность сокрушит промышленность Китая и США. Вы постройте империю на моих ресурсах».

Монтень проигнорировал замечание и продолжил, сжимая горло.

—Секретный пункт номер 2.*В обмен на признание российских зон военного управления в Польше и Восточной Германии Россия предоставляет французским консорциумам монополию на контракты по реконструкции гражданской, цифровой и железнодорожной инфраструктуры в указанных зонах.*

Путин коротко и сухо рассмеялся.

— Это блестяще, Адриен. Серьезно. Ты не просто их подводишь. Ты хочешь получать деньги за восстановление их домов после того, как я их разрушил. Ты превращаешь их поражение в свой ВВП. Это... по-наполеоновски.

Монтень на мгновение закрыл глаза. В его сознании мелькнул образ пылающего Берлина. Он снова увидел себя: молодого студента по программе Erasmus в Мюнхене, смеющегося с немецкими друзьями. Он продавал их прах, чтобы обеспечить будущее Франции.

Я чудовище.think-t-il.Но есть чудовище, которое согреет людей этой зимой.

— Это ситуация «либо принимай, либо отказывайся», Владимир. Франции нужны рынки. Европа мертва, я должен прокормить оставшихся дома.

«Я не осуждаю, — сказал русский, протягивая золотую перьевую ручку. — Я уважаю. Это реализм. Подпись».

Монтень взял перо. Металл был раскалён. Он замер на секунду. На секунду, словно на мгновение, в течение которой он слышал призрачные крики своих преданных союзников. Затем он поставил свою подпись внизу пергамента. Скрежет пера эхом отдавался, словно звук гильотины.

Владимир, в свою очередь, подписал контракт быстро и широким мазком.

— Всё готово. Пожар прекратится в 6:00.

Русский встал и протянул руку.

— За наше партнерство, Адриен.

Монтень медленно поднялся. Он посмотрел на протянутую руку. Он знал, что, пожав её, решит судьбу континента. Он протянул свою. Прикосновение было крепким, холодным. Монтень почувствовал, как желчь подступает к губам. Ему хотелось бежать в туалет, мыть руки отбеливателем, тереть до крови.

Вместо этого он выдержал взгляд русского.

— Не разочаруй меня, Владимир. Если ты хоть пальцем тронешь француза, эта бумага окажется бесполезной против моих ракет.

— Я знаю. Прощай, мой друг.

Русский вышел из вагона, оставив Монтеня наедине со стаканом воды и стыдом. Французский президент рухнул в кресло, обхватив голову руками, пока поезд мчался в ночь, унося с собой тайну основания новой империи.

06:00.

Европейский мост, Страсбург.

Франко-германская граница.

Едва рассветал, над Рейном стоял серый и грязный день. Река несла черные обломки, остатки бомбардировок, произошедших выше по течению.

Старший сержант Мори из 152-го пехотного полка поправил свою штурмовую винтовку на плече. Ему было холодно. Но дрожал он не от ветра.

Перед ним, на мосту Келя, наступала целая волна людей.

Их были тысячи. Целые семьи, старики, толкающие тележки с одеждой, дети, плачущие в огромных одеялах. Немцы. Они бежали от колонн русских танков, приближающихся к Штутгарту и Мюнхену. Они бежали во Францию, к свету, к единственной стране, которая не была в состоянии войны.

Они двинулись вперед с поднятыми руками, умоляя, с глазами, полными надежды, увидев развевающийся на другой стороне моста трехцветный флаг.

В радиоприемнике Мори раздалось треск.

—Это ПК Юпитер. Всем пограничным подразделениям. Приоритетный порядок отправки оперативных сообщений.

Мори приложил руку к наушнику. Он посмотрел на блондинку, находившуюся в пятидесяти метрах от него, которая тащила сломанный чемодан. Она улыбалась ему, думая, что спасена.

—Орден Президента Республики Радио трещит. Немедленное исполнение Альпийского договора. Герметичное закрытие границ. Повторяю: герметичное закрытие. Никаким беженцам вход воспрещен. Никому.

Мори замер.

«Лейтенант?» — позвал он, в горле пересохло. — «Они здесь. Это гражданские».

Подшел лейтенант, молодой офицер со строгим лицом. Он услышал приказ. Он посмотрел на толпу, затем на своих людей.

— Вы слышали, сержант. Закройте ворота.

— Но... мы не можем оставить их здесь! Русские идут!

«Приказ отдан, Мори!» — рявкнул офицер, в его глазах мелькнуло отчаяние. «Мы закрываемся! Немедленно!»

Старший сержант Мори медленно двинулся к тяжелому механизму ворот. Немка увидела его. Ее улыбка исчезла. Она бросилась бежать, что-то крича по-немецки и протягивая руки.

Мори дернул рычаг.

С металлическим скрежетом, нарушившим утреннюю тишину, тяжелые стальные двери начали захлопываться. Женщина, крича и вцепившись в холодный металл, ударилась о прутья решетки. Позади нее раздался гул тысяч голосов, крик чистого ужаса.

Мори отступил на шаг назад, опустив глаза, чтобы избежать ее взгляда. На другом берегу Рейна, на горизонте, в небо поднимался столб черного дыма. Русские приближались. А Франция только что дважды заперла свои ворота.

Предательство перестало быть просто словом на бумаге. Оно стало звуком захлопнувшихся ворот перед лицами тех, кого мы поклялись защищать.

ГЛАВА 6: ЕВРОПЕЙСКАЯ ЗИМА

20 декабря 2032 г.

Берлин, Александерплац.

Российская военная оккупационная зона.

Температура: -12°C.

Зима не просто навалилась на Берлин; она его сокрушила.

Немецкая столица, некогда бьющееся сердце европейской экономики, напоминала серый призрак, застывший во льду. Электроснабжения не было уже три недели. Знаменитые неоновые вывески погасли. Трамваи остановились, их кабели оборваны или замерзли. Остались только российские бронетанковые патрули. *БТР-90* Медленно катившиеся по грязному снегу колеса нарушали погребальную тишину города.

Карл Вебер, бывший старший инженер Siemens, потуже затянул свой изношенный шерстяной шарф на лице. Он был голоден. Тупой, мучительный голод, который мучил его уже несколько дней. Он тащил за собой детские санки, доверху набитые деревянными досками, спасенными из разрушенной бомбардировкой библиотеки.

Поставки российского газа в Германию прекратились. Подача газа была прекращена в день перемирия. Угольные электростанции, испытывая нехватку запасных частей и персонала, одна за другой закрывались.

Карл поднял взгляд на телебашню. Она больше не светила. Это была черная игла, вонзенная в свинцовое небо.

Вокруг него берлинцы бродили, словно тени. Они выстраивались в очередь перед грузовиками с гуманитарной помощью Международного Красного Креста, надеясь получить тарелку супа или одеяло. Но припасы были пусты. Америка ничего не отправляла. Америка отвернулась.

Внезапно землю сотряс глубокий гул.

Карл замер, страх сжал его живот. Бои закончились, но звук двигателей оставался предвестником смерти.

В конце Карл-Маркс-аллеи появилась колонна грузовиков. Это были не оливково-зеленые российские военные грузовики. Они были белыми, безупречными, современными, резко контрастируя с окружающей грязью. На их бортах были знакомые логотипы, но ужасающие для немецкого глаза: *VINCI ENERGIES, КОНСТРУКЦИЯ БУЙГЕС, ИНЖЕНЕР*.

Их сопровождали лёгкие машины французской жандармерии и *Тигр* Русские.

Колонна остановилась посреди площади. Из машин вышли сытые мужчины в ярко-оранжевых куртках, в шлемах со скрепленными забралами. Они смотрели не на руины. Они смотрели не на голодных призраков, окружавших их. Они смотрели на свои планшеты.

Карл подошел, одновременно заворуженный и напуганный.

Французский бригадир развернул голографический стол посреди снега. Он указал на разрушенный электрический трансформатор.

«Что ж, сегодня вечером сектор Митте должен подключиться к сети Страсбург-Рона», — сказал он скучающим тоном. В российском посольстве холодно.

«Здесь полный бардак», — вздохнул техник, закуривая электронную сигарету. «С нетерпением жду следующей недели. Возвращаюсь в Ниццу. Судя по всему, там 15 градусов».

— Да ладно. Мне уже надоело мерзнуть и ковыряться в этих развалинах. Давай, приступим к работе и поскорее закончим.

Карл почувствовал, как в нем нарастает гнев. Они не смеялись. Они даже не насмехались. Им было все равно. Для них Берлин был не человеческой трагедией, а всего лишь грязной, плохо отапливаемой стройплощадкой. Они совершенно не замечали окружающего их нищеты, как игнорируют муравьев на тротуаре.

— *предатель* «Предатели!» — сплюнула старушка рядом с Карлом.

Французский бригадир даже не обернулся. Он продолжил калибровку своего прибора.

— Иван, можешь отвести мирных жителей? Они перекрывают периметр безопасности.

Подошел русский солдат, держа руку на дубинке, с суровым лицом. Таково было разделение труда: Франция занималась делами и комфортом, Россия – насилием и грязью.

Карл наблюдал, как французы разматывают кабели. Франция соединяла Германию, словно это была садовая постройка, совершенно не думая о тех, кто там жил.

Вот и всё, новый европейский порядок. Полное безразличие победителей.

15 февраля 2033 г.

Рим, Виа деи Кондотти.

Латинская брадерия.

В тысяче километров к югу холод был менее пронизывающим, но тишина пугала. Рим, вечный город, город шума, гудков клаксонов и громких голосов, был нем. Ни скутеров. Ни туристов. Только ветер шевелил жирную бумагу на пустынных улицах.

Италию не бомбили, её задушили. Банковская система рухнула. Лира обесценилась.

Элен Дарсье, директор по приобретениям группы *LVMH-Kering Fusion* Она шла по самой роскошной улице Рима. Щелчок ее каблучков по булыжникам разносился в мертвой тишине города, словно выстрелы.

Она вошла в историческую штаб-квартиру Fendi. Ее ждал итальянский генеральный директор, сидевший в холодном кабинете, освещенном керосиновой лампой. Он выглядел как падший аристократ, ожидающий гильотины.

«Мадам Дарсье, — сказал он, слегка поклонившись, — добро пожаловать в Рим».

- Сэр.

Элен не улыбнулась. Она не проявила никакой вежливости. Она села и положила контракт на стол. Ее движения были точными, хирургическими.

— Консорциум готов. Мы забираем всё. Бренд, мастерские, патенты, недвижимость.

Глаза итальянца расширились.

— Это наше национальное достояние! Вы пользуетесь нашим банкротством, чтобы грабить итальянский гений!

«Мы „спасаем“ его», — холодно, без малейших эмоций, поправила Элен. «Посмотрите на цифры. Мы платим новыми франками, курс которых привязан к золоту и энергоносителям. Это единственная законная валюта. Если вы откажетесь, вы закроетесь завтра, и ваши ремесленники умрут с голоду».

Итальянец взглянул на сумму. По сравнению с ее стоимостью в 2030 году это была ничтожная сумма. Но в мире 2033 года это было целое состояние. Разница между жизнью и смертью.

«Что с нами будет?» — спросил он дрожащим голосом.

— Дочерняя компания. Французская собственность в стиле «итальянский».

Он подписал. У него не было выбора.

Уходя, Элен снова надела солнцезащитные очки. На улице она столкнулась с ненавистными взглядами и граффити *Франс Баркс* на стенах. Она ничего не чувствовала. Ни жалости, ни триумфа. Это был просто бизнес. Европа была супермаркетом на грани банкротства, и Франция была единственным

платежеспособным покупателем.

Его телефон завибрировал. Это было зашифрованное уведомление высокого приоритета.

ПОВЕСТКА В СУД: ГРАНД-ПАЛЕ, ПАРИЖ.

ТЕМА: ЭТАП ЗАПУСКА 2 - "ФЕНИКС".

СТАТУС: ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ.

Элен едва заметно, хитро улыбнулась. Итальянский захват был лишь закуской. Настоящее пиршество вот-вот должно было начаться. Она набрала номер.

— Готовьте самолет. Мы возвращаемся в Париж. Архитектор нас ждет.

ГЛАВА 7: ПЛАН «ФЕНИКС»

15 марта 2033 г.

Париж, Гран-Пале Эфемер.

Освящение.

Париж никогда не был таким прекрасным и таким жестоким.

В то время как остальная часть континента все еще пробиралась сквозь холодную грязь и обломки, Город огней сиял дерзким блеском. Елисейские поля были украшены трехцветными флагами, переплетенными с русским двуглавым орлом. Террасы были переполнены, шампанское лилось рекой, а электричество — товар, ценнее золота во всем мире — тратилось на грандиозные иллюминации, бросавшие вызов ночи.

Под стеклянной крышей Гран-Пале, перед аудиторией из трех тысяч высокопоставленных лиц, промышленников и генералов, история вот-вот должна была сменить владельца. В воздухе витал аромат дорогих духов и триумфа.

Эдриен Монтень поднялся на трибуну. Он сменил свои темные круги под глазами, оставшиеся после войны, на загорелый и отдохнувший цвет лица победителя. Позади него на огромном экране отображался единственный логотип: золотой феникс, восстающий из серого пепла, над словами **ИНИЦИАТИВА ФЕНИКСА**.

— Дамы и господа, европейцы, — начал Монтень.

Его голос, усиленный идеальной системой звукоусиления, разносился под куполом подобно голосу римского императора, обращающегося к Сенату.

— Зима была долгой. Она была суровой. Наши немецкие, итальянские и польские братья пострадали. Европа заплатила высокую цену за свои прошлые ошибки. Но Франция, верная своему всеобщему призванию, не позволит колыбели цивилизации умереть в молчании.

Он сделал драматическую паузу, оглядывая комнату.

— Сегодня вместе с нашими партнерами из Российской Федерации мы запускаем крупнейший строительный проект в истории человечества. Мы восстановим каждый мост, каждую электростанцию, каждую школу. Мы вернем свет в ваши дома.

В зале раздались вежливые, но восторженные аплодисменты. В первом ряду капитаны французской промышленности — генеральные директора Vinci, Bouygues, Thales и TotalEnergies — бурно аплодировали. Они видели не гуманитарную акцию, а портфель заказов, заполненный на следующие пятьдесят лет. Они видели абсолютную монополию.

Монтень продолжил, его тон стал более серьезным, более резким.

— Но эта реконструкция имеет свою цену. Европа разорена. Ее валюты мертвы. Ее государства формально банкроты. Кто за это заплатит?

Наступила тяжелая тишина. Пришло время для решающего удара.

«Франция и Россия заплатят», — заявил Монтень. «Мы предоставим капитал. Мы обеспечим энергоснабжение. Мы внедрим технологии».

Он повернулся к правой стороне сцены, где в тени толпились делегации побежденных стран.

— Взамен, и для обеспечения устойчивости этих жизненно важных инвестиций, сегодня создается новая структура: **Континентальный инфраструктурный банк**.

На огромном экране отображались подробности «сделки». Они были написаны мелким юридическим шрифтом, но смысл был понятен всем присутствующим в комнате:

1. **Передача права собственности:** Электроэнергетические, железнодорожные, портовые и цифровые сети Германии, Польши и Италии передаются в ведение Банка (60% принадлежит Франции, 40% — России) сроком на 99 лет.
2. **Права на взимание платы за проезд:** Каждый киловатт-час, потребленный в Берлине, каждый поезд, курсирующий в Варшаве, каждый контейнер, разгруженный в Роттердаме, будет облагаться прямым налогом в пользу Парижа и Москвы.
3. **Единая валюта:** «Новый франк» (привязанный к золоту и энергоносителям) становится единственным законным платежным средством для крупных промышленных сделок.

Это была полная экономическая аннексия. Вассальная зависимость, замаскированная под план Маршалла.

Монтень пригласил канцлера Германии присоединиться к нему.

Эрика фон Холлен встала. За один год она постарела на двадцать лет. На ней больше не было ее прежних ярких костюмов, а унылый, серый, почти монашеский наряд. Она направилась к трибуне, словно приговоренная к смерти женщина, идущая на эшафот, под снисходительными взглядами парижской элиты.

Она больше не была той высокомерной женщиной, которая швыряла папки на пол в Брюсселе. Она стала лидером голодающего народа.

Она взяла ручку. Она посмотрела на Монтеня. В его глазах не было ненависти, только безграничное смирение.

«Ты победил, Адриен», — пробормотала она в микрофон, так что только он мог это услышать. «Ты сделал Германию своей колонией».

«Я сделал Германию своим партнером», — поправил Монтень, ослепительная улыбка не коснулась его холодных глаз. «Подпиши, Эрика. Твои электростанции ждут наш уран. Твои люди ждут нашу пшеницу. Не заставляй их ждать».

Она подписала.

В тот момент, когда ручка коснулась бумаги, в комнате поднялся шум. Но это был не шум из-за нее. Двери в задней части комнаты открылись.

На сцену вышел Владимир Путин.

Он двинулся вперед гибкой, уверенной походкой под ликующие возгласы толпы. Он пришел не в военной форме, а в безупречном итальянском гражданском костюме. Он пересек сцену, мастерски игнорируя канцлера Германии, который отошел в сторону, склонив голову.

Эдриен Монтень и Владимир Путин встретились в центре, под логотипом «Феникс». Они пожали друг другу руки. Вспышки света, словно буря белого сияния, сверкали.

Это был образ века. Орел и Петух, объединившись, делят добычу Старого континента под аплодисменты тех, кто хотел бы разбогатеть на руинах.

В тени VIP-ложи Элен Дарсье наблюдала за происходящим, потягивая бокал шампанского Roederer Cristal. Ее телефон завибрировал.

УВЕДОМЛЕНИЕ MISTRAL AI:

Контракты подтверждены.

Начало работы: Немедленно.

Приказ о развертывании направлен в инженерно-строительные подразделения.

Она улыбнулась, опустошая бокал. Снаружи, на берегу Сены, ревели моторы. Бетономешальные машины и гигантские краны, припаркованные и ожидающие своей очереди, включили свои оранжевые мигалки в парижской ночи.

На этот раз в Европу отправилась не армия танков, а армия бетономешалок и оптоволоконных кабелей.

Оккупация началась. И она была рассчитана на сто лет.

ГЛАВА 8: СОЛНЦЕ КАДАРАША

15 августа 2033 г.

Сен-Поль-ле-Дюранс, Прованс.

Место расположения реактора DEMO (преемника ITER).

14:00. Температура воздуха на улице: 42°C.

Провансальское солнце палило холмы, покрытые средиземноморской растительностью, с библейской яростью. Цикады, измученные жарой, замолчали. Трещиноватая земля, казалось, молила о пощаде. Но в самом сердце долины Дюранс вот-вот должна была зародиться другая, несравненно более ужасающая жара.

Территория Кадараш больше не напоминала некогда существовавший университетский исследовательский центр. Она превратилась в крепость. Тройной периметр из электрифицированных заборов, увенчанный автономными сторожевыми башнями, оснащенными лазерными пулеметами, изолировал комплекс от остального мира. Совместные патрули — легионеры 2-го иностранного инженерного полка и спецназ Имперской гвардии — следили за каждым кустом, каждой тенью.

В центре этой системы возвышалось здание токамака, словно языческий храм. Восьмидесятиметровый белый бетонный куб без окон, предназначенный для того, чтобы сдерживать гнев звезды.

В диспетчерской царил ледяная атмосфера, температура воздуха поддерживалась на уровне 19 градусов с помощью кондиционера. Тишина была благоговейной, нарушаемой лишь гулом вентиляторов квантового суперкомпьютера.

Научный директор, Клэр Делакура, поправила очки. Ей было сорок лет, под глазами были фиолетовые круги, и на ее плечи легла ответственность за будущее человечества.

Справа от него профессор Юрий Сидоров, легенда российской ядерной физики, нервно постукивал по консоли.

«Впрыск трития готов», — объявил Сидоров своим хриплым голосом. «Сверхпроводящие магниты находятся при критической температуре: 4 Кельвина. Магнитное поле стабильно».

Клэр посмотрела в сторону пуленепробиваемого стекла, выходящего на реакторную яму. Конечно, ничего не было видно. Все происходило внутри вакуумной камеры, за метрами стали и свинца.

«Господин президент», — сказала она в микрофон. — «Мы на заключительном этапе. Зажигание через две минуты».

В VIP-ложе, защищенной тридцатисантиметровым стеклом, предохраняющим от радиации, стоял Адриен Монтень. На этот раз не было шампанского. Не было улыбок. Только неприкрытое напряжение. Рядом с ним российский премьер-министр с хищнической напряженностью смотрел на экраны.

Если бы произошёл взрыв, Прованс был бы стёрт с лица земли.

Если бы это сработало, они стали бы богами.

«Продолжай, Клэр, — приказал Монтень. — Дай нам огонь».

Последовательность зажигания

—*T минус 60 секунд.*

Стены диспетчерской незаметно вибрировали. Это было не землетрясение; это был звук пробуждающихся гигантских магнитов, искажающих локальное пространство-время и создающих невидимую магнитную бутылку.

—*Инициирование плазмы. Температура: 10 миллионов градусов.*

На центральном экране отображалось псевдоцветное изображение, реконструированное с помощью магнитных датчиков, демонстрирующее свечение плазменного тора. При этой температуре вещество излучало преимущественно в рентгеновском диапазоне, невидимом невооруженному глазу.

—*Введение гибридных волн. Активный нейтральный нагрев.*

Температурная кривая поднималась вертикально.

50 миллионов.

100 миллионов.

—*Мы приближаемся к порогу Лоусона.* Сидоров что-то пробормотал, не отрывая взгляда от телеметрических данных. *Давай, дорогая... держись...*

150 миллионов градусов. В десять раз выше температуры ядра Солнца.

Внезапно раздался пронзительный сигнал тревоги. На столе Клэр вспыхнул красный свет.

«Плазменная нестабильность в секторе 4!» — закричал техник. «Магнитное поле мерцает! Мы сейчас упрёмся в стену!»

«Квантовая коррекция!» — рявкнула Клэр. «Пусть искусственный интеллект Мистралья справится с блокировкой! Ничего не трогайте!»

Это был безумный риск. Ни один человек не смог бы среагировать достаточно быстро, чтобы стабилизировать расплавленную плазму. Они доверили управление реактором франко-российскому искусственному интеллекту.

В течение трёх бесконечных секунд судьба мира висела на волосках, написанных в коде.

Огненное кольцо вспыхнуло, грозя разрушить и испарить ограждение. Затем, с неестественной мягкостью, оно стабилизировалось. Искусственный интеллект пересчитал геометрию магнитного поля за считанные наносекунды.

— *Плазмоустойчивый*, — объявил синтезированный голос Мистралья. *Реакция самоподдерживающегося синтеза. Коэффициент Q больше 10.*

В комнате воцарилась недоверчивая тишина. Затем Сидоров с оглушительным триумфом ударил кулаком по столу.

— *Q равно 15... Q равно 20...*продолжает ИИ.

Кривая производства энергии вышла за пределы масштаба графика. Реактор перестал потреблять энергию для работы. Он стал её производить. Он производил колоссальные, бесконечные, чистые количества энергии.

— Чистая выработка: 2 гигаватта и продолжает расти, — выдохнула Клэр Делакура.

Она повернулась к VIP-ложе. Она плакала.

Эдриен Монтень наблюдал, как прокручиваются цифры. Он не видел мегаватт. Он видел конец истории.

Он предвидел конец арабской нефтяной промышленности.

Конец американской добычи сланцевого газа.

Конец эпохи немецких ветряных турбин.

Он представлял себе мир, где Альянс мог бы опреснять океаны для орошения Сахары, запускать поезда со скоростью 2000 км/ч и отапливать всю Европу по цене чашки кофе.

«Свершилось», — сказал он русскому. «Мы украли огонь у богов».

Российский премьер-министр кивнул, его глаза сияли.

— У американцев есть доллар. У нас есть солнце. Их бумага ничего не стоит по сравнению с нашим светом.

18:00

Когда они покидали комплекс, жара провансальского лета казалась почти невыносимой по сравнению с той раскаленной знойной пустыней, которую они только что преодолели.

Монтень остановился на церковном кладбище. Он посмотрел на высоковольтные линии электропередач, тянувшиеся от Кадараша на север, в сторону Италии, в сторону Германии. Эти кабели были не просто медными проводами. Это были цепи, которые навсегда соединят континент с Францией.

Он достал свой защищенный телефон и составил сообщение для генерала Валери в Париже.

«ПОЛНЫЙ УСПЕХ».

ФАЗА ЗАПУСКА 3.

Опротестовать нефтяные контракты.

МЫ СВОБОДНЫ.

Вдали возобновилось пение цикад, равнодушных к тому факту, что человечество только что вступило в новую эру. В недрах бетонного чудовища тихо мурлыкало маленькое фиолетовое солнце, охраняемое алгоритмами и легионерами, готовые осветить новую Французскую империю.

ГЛАВА 9: ТЕНИ МИРА

12 ноября 2033 г.

Варшава, район Прага.

Северная железнодорожная транзитная зона.

2:00 утра.

Война официально закончилась почти два года назад, но в темных переулках Варшавы она так и не прекратилась. Она просто изменила свой облик. Она больше не носила форму. Она носила балаклавы, глушители и чемоданы с взрывчаткой С-4.

Командир Дамиен Бурель из Главного управления внутренней безопасности (ГВДБ) поправил свой тактический наушник. Он сидел на корточках на крыше заброшенной текстильной фабрики, его взгляд был прикован к старым железнодорожным складам внизу. Ледяной ноябрьский дождь превращал городскую сажу в липкую черную грязь.

Рядом с ним, неподвижно, словно горгулья, капитан Виктор Соколов из ФСБ (Федеральной службы безопасности России) проверял затвор своей снайперской винтовки «Винторез», бесшумной винтовки, способной пробить бронежилет на расстоянии 400 метров.

—Цель подтверждена— прошептал Соколов по-русски, и его голос мгновенно перевел искусственный интеллект в наушнике Дэмиена.*Шесть человек. Они разгружают грузовик. Это тяжелые ящики. Вероятно, это взрывчатка типа «Джевелин» или пластиковая взрывчатка.*

Дэмиен активировал тепловизор. Силуэты светились красным в холодной ночи.

— Мы ждём подтверждения поставки, Виктор. Парижу нужны доказательства происхождения оборудования. Если это британское оборудование, мы можем смело его чистить.

«Это всегда британская техника», — проворчал русский. «У британцев больше нет армии, поэтому они посылают игрушки местным фанатикам, чтобы те пускали наши поезда под откос. Они терпеть не могут, когда здесь проходит Трансконтинентальная железная дорога».

Строительство высокоскоростной железной дороги, важнейшей магистрали, которая должна была соединить Париж с Москвой, а затем и с Китаем, проходило через Варшаву. Она была главной целью «Свободного Сопротивления» — неясной группы польских националистов и наемников, тайно финансируемой британской разведкой MI6 и ЦРУ с целью замедления евразийской интеграции.

—КонтактДэмиен объявил.Мужчина выходит из офиса. Это «Пианист». Наш посредник.

Речь идёт о бывшем сотруднике польской разведки, который скрылся от правосудия, и он обменивался портфелем с водителем грузовика.

Дэмиен увеличил изображение с помощью подключенной камеры. Искусственный интеллект Mistral проанализировал изображение в режиме реального времени.

"Идентификация: Корпус спутниковой связи типа Harris Falcon IV. Происхождение: Запасы армии США/НАТО. Вероятность причастности ЦРУ: 98%."

«Мы это получили», — сказал Дэмиен. «Вашингтон подписал соглашение».

Соколов холодно усмехнулся.

— Пойдём? Мне холодно, и они скоро закончат.

— Пошли. Пленников нет, кроме Пианиста. Нам нужно выяснить, где остальной груз.

Этот штурм стал ужасающей демонстрацией новой франко-российской доктрины. Никакого предупреждения. Никаких переговоров. Просто уничтожение.

Дэмиен подал сигнал. Два дрона.Чёрный ШершеньФранцузские войска стремительно спустились с неба, сбросив в центр группы ослепляющие светозумовые гранаты. В тот же момент спецназ Соколова, скрывавшийся в канализации и окружающих руинах, открыл огонь.

Приглушенные выстрелы из российского оружия издавали звук, похожий на работу швейной машинки:Фух-фух-фух.

Шестеро мужчин в грузовике упали, не успев даже дотронуться до своего оружия. Это было точно. Жестоко.

Дэмиен спрыгнул с крыши, используя свой легкий экзоскелет, чтобы смягчить падение с высоты шести метров. Он бросился к «Пианисту», который пытался убежать к своей машине.

Поляк вытащил пистолет, но Дамиен оказался быстрее. Удар прикладом по челюсти сбил бойца сопротивления с ног, тот закашлялся кровью и выплюнул зубы.

Соколов прибыл секунду спустя и, чтобы обездвигить поляка, поставил на его руку свой тяжелый ботинок.

—Добро пожаловать в новую Европу!(Добро пожаловать в новую Европу), - сказал русский с насмешливым акцентом.

Дэмиен открыл один из пустых ящиков. Внутри, в пенопласте, находились самые

современные кумулятивные заряды, способные прорезать усиленный алюминиевый рельс, как масло. На боковой стороне был стертый, но все еще читаемый спектральным сканером серийный номер.

—*Сделано в Шеффилде, Великобритания*— Проклятые англичане. Они никогда не сдадутся.

«Они сдадутся, когда у них не останется никого, кто мог бы заложить бомбы», — ответил Соколов, поднимая пленного за воротник. «Куда мы его везём? На Лубянку или в Леваллу?»

«Вот», — сказал Дамиен. «У нас нет времени на бюрократию. Искусственный интеллект сделает перевод. Заставь его говорить, Виктор. Я хочу знать, кто их контакт в Белграде. Поезд должен пройти через Балканы в следующем месяце; я не хочу никаких неприятных сюрпризов».

Русский кивнул и затащил кричащего мужчину обратно в темный склад. Дамиен остался снаружи под дождем. Он закурил сигарету и смотрел, как в холоде дымятся тела повстанцев.

Он не был гордым. Но он знал, что это необходимо. Для того чтобы жители Парижа и Москвы могли путешествовать со скоростью 1000 км/ч в кондиционированных вагонах метро, для того чтобы экономика процветала, такие люди, как он, должны были выполнять грязную работу в варшавской грязи.

Его защищенный телефон завибрировал. Сообщение от его менеджера из Парижа.

«Безопасна ли строительная площадка?»

Дамиен прислушался к крикам, которые начали эхом разноситься по складу. Виктор действовал оперативно.

Он напечатал свой ответ.

«Железнодорожные пути свободны. Поезд проедет».

Три дня спустя.

Сербско-косовская граница.

Очищение Балкан.

Информация, полученная в Варшаве, оказалась достоверной. В горах находился «конспиративный дом», финансируемый американской подставной неправительственной организацией.

На этот раз это была не секретная операция. Это было послание.

Два вертолета *Тигр* Французские солдаты в черной форме, без опознавательных знаков, вышли из долины. Их 30-мм пушки за считанные секунды разнесли вдребезги уединенный фермерский дом. Попыток ареста не было.

На соседнем хребте Дамиен наблюдал за пламенем в бинокль. Рядом с ним улыбался сербский офицер связи.

«Всё в порядке», — сказал серб. «Спасибо за информацию. Белград сегодня будет спать спокойнее».

«Я делаю это не ради Белграда, — коротко ответил Дамиен. — Это ради маршрута. Южная линия должна быть введена в эксплуатацию к 2035 году. Никаких больше препятствий. Никаких больше американцев. Никакого преследователя».

Он повернулся к транспортному вертолету, который их ждал.

— Может, вернёмся в Париж, Виктор?

Русский, чистивший свой нож, пожал плечами.

— Париж, Москва... Теперь все в одном доме. Главное, чтобы была водка и поезда ходили по расписанию.

Вертолёт взлетел, оставляя за собой столб чёрного дыма, поднимающийся в чистое балканское небо, — жертвенное подношение богу логистики и порядка. Мир воцарился в Европе. Мир на кладбище, охраняемый волками.

ГЛАВА 10: ЮЖНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

14 февраля 2034 г.

Алжир, дворец Эль-Мурадия.

Средиземноморский пакт.

Алжирский залив сверкал под лучами зимнего солнца. Но в то утро свет, омывший белый город, был не просто солнечным; это был свет пишущейся истории.

На эспланаде Президентского дворца на морском ветру развевались флаги. Зелёно-белый флаг с красным полумесяцем Алжира теперь развевался рядом с французским триколором и российским орлом. Картина, которая десять лет назад спровоцировала бы беспорядки, сегодня вызвала слёзы гордости.

В Большом зале договоров ждал президент Алжира, бывший генерал с пронзительным взглядом. Напротив него стояли Адриен Монтень и министр обороны России.

Больше не было «раскаяния», не было «болезненных воспоминаний», не было нравоучительных речей о колониальном прошлом. Оставалось только...*Реальная политика* и общие интересы.

«Господин президент, — сказал Монтень, открывая красный кожаный портфель. — Условия ясны. Алжир становится «Южным столпом» Альянса».

Алжирский лидер кивнул. Он знал этот документ наизусть.

«Мы гарантируем безопасность трубопровода Trans-Med и эксклюзивный доступ к нашим портам для объединенного флота», — зачитал он. «Взамен...»

«Взамен, — перебил русский, — вы получаете технологии. Малые модульные реакторы (ММР) для опреснения воды и озеленения пустыни. Системы ПВО С-600 для обеспечения безопасности вашего воздушного пространства. И исключительный мандат на поддержание мира в Сахеле».

В этом и заключалась суть сделки. Алжир больше не хотел быть державой среднего уровня. Он хотел стать региональным гегемоном. Альянс предлагал ему корону на блюдечке с золотой каемочкой.

«А Франция?» — спросил алжирец, пристально глядя на Монтеня.

— Франция признает полный суверенитет Алжира над своей сферой влияния. Больше никакого вмешательства. Больше никаких нравоучений о правах человека. Мы ведем бизнес и обеспечиваем безопасность. На равных.

Президент Алжира взялся за перо. Это был конец семидесятилетней неопределенности. Алжир выбирал свою сторону. Не сторону декадентского Запада и не сторону далекого Китая, а сторону сильного Средиземноморья.

Signa.

—*Тахия Альянс*— пробормотал он.

Три дня спустя.

Средиземное море, у побережья Тулона.

На борту авианосца «Шарль де Голль».

Море было глубокого синего цвета, спокойное, сапфировое. Но на поверхности оно представляло собой ужасающее проявление мощи.

Адмирал Анри де Кастри, ныне начальник штаба ВМС Альянса, наблюдал за маневрами с мостика.

Перед ним, *Шарль де Голль* Он был не один. Справа от него шел российский атомный крейсер. *Пётр Великий* ошестившийся гиперзвуковыми противокорабельными ракетами. Слева от него — новый алжирский фрегат-невидимка. *Эль-Муджахид* А под поверхностью, невидимые, но вездесущие, боевые подводные лодки трех стран охотились группами.

— Зона отчуждения активирована, — объявил офицер тактического подразделения.

На радиолокационных экранах Средиземное море выглядело как замкнутое озеро. Гибралтарский пролив был перекрыт французскими и марокканскими датчиками. Суэцкий канал находился под охраной российских и египетских судов (новых ассоциированных членов).

На международной частоте экстренной связи раздалось радиосообщение с помехами.

«Это эсминец ВМС США USS Carney. Мы запрашиваем разрешение на проход через Черное море для осуществления свободы судоходства».

Де Кастри взял микрофон. Его голос был спокойным, как у владельца заведения.

«Нет, Карни. Вы входите в активную зону отчуждения A2/AD. Ваши сигналы регистрируются нашими системами управления огнём С-600 и крейсером «Пьер ле Гран». Мы не будем повторять предупреждение. Немедленно поверните на курс 2-7-0. Конец связи.»

На частоте воцарилась долгая тишина. Американский эсминец, некогда

господствовавший в океанах, замер. Он знал, что на него направлены двенадцать различных сил. Он знал, что ему не удастся пробиться.

«Понял. Мы возвращаемся».

Де Кастри положил микрофон. Он посмотрел на горизонт. *Наше море* Римляне были воссозданы. Ни один вражеский корабль не мог угрожать «мягкому подбрюшью» Европы. Море превратилось в жидкий щит.

1 марта 2034 г.

Дакар, Сенегал.

Платоский район.

Ударная волна от Алжирского соглашения прокатилась по Сахаре быстрее, чем песчаная буря.

Дакар был охвачен беспорядками. Но это был не гнев, подобный антифранцузским бунтам 2020-х годов. Это было бурное движение денег, свободно циркулирующих в городе.

В стеклянной башне Центрального банка западноафриканских государств (BCEAO) губернатор принимал делегацию от Альянса.

«Франк КФА мертв», — заявил глава французской делегации, холодный технократ из Берси.

Глаза сенегальского губернатора расширились.

— Вы нас бросаете?

— Наоборот. Мы повышаем его. С полуночи ваша валюта будет называться... **Эко-Альянс** Теперь курс будет привязан не к упраздненному евро, а к инвестиционному портфелю «Энергетический сектор – золото» Continental Bank.

Технократ спроецировал голографический график. Кривая стоимости стремительно взлетала вверх.

— Короче говоря, губернатор: ваша валюта станет такой же сильной, как рубль или новый франк. Ваши резервы гарантированы российской ядерной энергетикой и французской экономикой. Взамен...

— В обмен?

— Полное согласование таможенных процедур. Приоритет для компаний Альянса в горнодобывающей промышленности, портах и цифровой инфраструктуре. Запрет на импорт промышленных товаров из-за пределов Альянса. Африка станет житницей и

шахтой. Европа станет фабрикой. Это разделение труда... оптимизированное. И, конечно же, высылка американских и турецких военных советников в течение 48 часов.

Губернатор выглянул в окно. В порту Дакара российское грузовое судно уже разгружало турбины для новой электростанции, а французские инженеры контролировали расширение защищенной волоконно-оптической сети.

Китай предложил плохо построенные дороги в обмен на долг. Американцы же предложили уроки демократии и беспилотники-убийцы.

Союз предлагал процветание и порядок в обмен на лояльность.

Это, безусловно, было возвращение «протектората». Но богатого, могущественного и высокомерного протектората.

«Где мне нужно подписать?» — спросил губернатор.

Франкоязычная Африка не сдалась Альянсу. Она интегрировалась в него, радуясь своему месту в блоке, который больше не извинялся за свою мощь. От Танжера до мыса Доброй Надежды англосаксонское влияние отступало, как отлив, уступая место новой эре бетона, стали и трехцветного флага.

ГЛАВА 11: СТАЛЬНОЙ ДРАКОН

1 мая 2041 г.

Порту, Португалия.

Западный терминал Трансконтинентальной автомагистрали.

9:00 утра по местному времени.

Серый и беспокойный Атлантический океан причалил к причалам Порту, чтобы замереть. На протяжении пяти веков эти волны были путем к богатству, дорогой в Америку, жизненно важным звеном Запада.

Сегодня Адриен Монтень, чьи волосы теперь поседели, как морская пена, повернулся спиной к океану.

Перед ним, углубившись в землю, лежало будущее. Трубчатая конструкция из белого бетона и бронированного стекла, частично заглубленная в землю, тянулась на восток, словно серебряная артерия.

Западный терминал не был железнодорожным вокзалом. Это был наземный космодром.

На платформе номер 1 ждало чудовище. Его звали «Евразиец», или, чаще, «Стальной дракон». Это был не поезд. Это была капсула на магнитной левитации, движущаяся в частично вакуумной трубе. *Вактор*). Без сопротивления воздуха, без трения колес, приводимый в движение неограниченным количеством электроэнергии термоядерных реакторов, он мог бы достичь крейсерской скорости 2000 км/ч.

Монтень поправил пальто. Рядом с ним стояли президент Китая Чэнь Минь, новый кормчий Пекина, и президент России.

«Посмотри на океан в последний раз, Адриен, — сказал русский с кривой улыбкой. — Он превратился в тупик».

«Это граница, — поправил Монтень. — И мы находимся на правильной стороне».

Они поднялись на борт лодки.

Интерьер был невероятно роскошным, представляя собой сочетание итальянского дизайна (Милан проделал великолепную работу) и корейских технологий. Прозрачные экраны Samsung заменили окна, потому что на такой скорости реальный пейзаж был бы лишь размытым пятном цветов.

— *Затворы шлюзов* — объявил мягкий голос искусственного интеллекта Мистраля. *Подача воздуха в трубу под давлением. Отправление через тридцать*

секунд. Пункт назначения: Шанхай-Пудун. Ориентировочное время в пути: 14 часов 12 минут.

По спине Монтеня пробежал холодок. Четырнадцать часов. Контейнеровозу потребовалось тридцать дней, чтобы совершить это морское путешествие, заплатив непомерную страховку и опасаясь американского флота.

Поезд резко тронулся с места. Никакого толчка. Просто усилилось ощущение тяжести, когда ускорение мягко прижало их к кожаным сиденьям.

13:00 (по парижскому времени).

Где-то к югу от Баварии.

Vitesse: 1850 км/ч.

В вагоне-баре Элен Дарсье, ставшая министром экономики Альянса, беседовала с генеральным директором Samsung Ли Чжэ Ёном.

На столе, между бокалами с шампанским, лежали электронные чипы.

«Это знаменует собой конец морских перевозок по принципу «точно в срок», — пояснила Элен, указывая на спидометр. — Ваши заводы в Сеуле производят продукцию по понедельникам. К вечеру вторника эти чипы устанавливаются в наши самолеты Renault и Airbus в Лионе и Тулузе».

Корейский бизнесмен кивнул.

— Американцы оказывают на нас давление, требуя продолжать использовать Панамский канал и их грузовые суда. Они говорят о «свободе судоходства».

«Свобода — это время, — возразила Хелен. — Зачем рисковать, полагаясь на медленные корабли, уязвимые для штормов и блокады ВМС США, когда есть этот туннель? Здесь он находится под защитой ФСБ, не подвержен влиянию погоды и потребляет в десять раз меньше энергии».

Ли Чжэ Ён улыбнулся. Он был прагматичным человеком.

— Корея — это полуостров, госпожа министр. Но благодаря этому поезду мы больше не остров. Мы — ворота в Евразию. Контракты подписаны. Samsung переводит 80% своих грузоперевозок на железнодорожный транспорт.

Элен подняла бокал.

— О гибели Атлантики.

20:00 (по московскому времени).

Пересечение Урала.

Монтень смотрел на оконную сетку. Искусственный интеллект проецировал успокаивающее изображение заснеженных степей, но он знал, что они пересекают русскую ночь со скоростью пули.

К нему присоединился президент России.

— Ты понимаешь, что это значит, Адриен?

— Да. Маккиндер был прав.

— *«Кто контролирует Сердцевину Земли, тот контролирует Мировой Остров. Кто контролирует Мировой Остров, тот контролирует Мир».*

Русский указал на землю под ногами.

— На протяжении столетия ангlosаксы господствовали, потому что контролировали моря. Они могли заморить голодом любого, введя блокаду. Но как можно блокировать континент, который самодостаточен?

«Мы не можем», — сказал Монтень.

— Именно так. Их авианосцы превратились в плавучие музеи. Они могут патрулировать Атлантику сколько угодно. Торговля там больше не осуществляется. Богатство циркулирует здесь, под землей, в безопасности, между нами.

04:00 (по шанхайскому времени).

Прибытие в Восточный терминал.

Торможение было таким же плавным, как и старт. «Стальной дракон» плавно въехал на футуристический вокзал Шанхая под огромным стеклянным куполом, на котором развевались флаги Китая, России, Франции и всех стран-партнеров.

Огромная толпа ждала. Не протестующие, а потребители, студенты, предприниматели.

Когда двери открылись, в салон хлынул жаркий, влажный воздух Азии. Адриен Монтень первым вышел на платформу.

Он покинул Атлантику во время завтрака. Ужинать он собирался на берегу Тихого океана.

Перед ним стояли стандартные контейнеры, помеченные печатью. **АЛЬЯНС ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ** Разгрузка уже велась автономными роботами с головокружительной скоростью. Бордоские вина, немецкие станки и лионские фармацевтические препараты отправлялись на китайский рынок. В

противоположном направлении редкоземельные элементы, батареи и электронные компоненты ожидали погрузки в Европу.

Это был непрерывный балет. Искусственный приток крови, делавший сердце мира неуязвимым.

Американский журналист, один из немногих аккредитованных, направил микрофон в сторону Монтеня.

— Господин президент, Вашингтон называет эту инаугурацию «железной стеной», изолирующей свободный мир. Каков ваш ответ?

Монтень улыбнулся. Он посмотрел на серебристый поезд, затем на толпу азиатов, а потом на своих русских партнеров.

— Я отвечаю, что у Вашингтона есть старая карта, сэр. Там нет стены. Там только мост. А вы остались на другой стороне.

Он резко развернулся. Вечеринка начиналась. И впервые с 1945 года Америку не пригласили.

ГЛАВА 12: ПРИЗЫВ КВЕБЕКА

24 июня 2042 г.

Монреаль, Квебек.

Площадь Фестивалей.

22:00, День святого Иоанна Крестителя.

В воздухе витало напряжение, царил пыл, невиданный в Квебеке со времен провалившихся референдумов прошлого века. Но сегодня речь шла не только о независимости. Речь шла о выживании.

Центр города был залит морем сине-белых цветов. Сотни тысяч лиц были обращены к гигантским экранам, ожидая результатов голосования. Среди развевающихся флагов с геральдической лилией, французских триколоров и фиолетового флага Альянса были видны другие флаги.

На сцене к микрофону подошел премьер-министр Квебека, молодой харизматичный оратор Гийом Леме. Он поднял руки, призывая к тишине.

«Друзья мои, — начал он, голос его дрожал от волнения. — Сегодня вечером весь мир наблюдает за нами. Сегодня вечером мы выбрали свою судьбу».

Цифры появились позади него в виде огненных букв: **ДА: 68%**.

До неба донесся оглушительный шум, от которого задрожали окна небоскребов на улице Сент-Катрин.

«Народ Квебека высказался!» — взревел Лемей. «Мы принимаем предложение Франции о защите! Мы присоединяемся к Франкоязычной зоне процветания! Мы больше не изолированная провинция приходящей в упадок англоязычной империи. Мы — плацдарм Альянса в Америке!»

В 600 километрах к югу празднование не проводилось.

25 июня 2042 г.

Вашингтон, округ Колумбия, Белый дом.

Ситуационная комната.

06:00.

Президент Соединенных Штатов Джон Миллер, популист-изоляционист, избранный на основе обещания «Крепости Америки», стучал кулаком по столу.

«Они насмежаются над нами!» — закричал он. «Французские войска в шестидесяти километрах от Платтсбурга? Это прямое нарушение доктрины Монро! Никаких иностранных держав в Западном полушарии!»

Генерал Кэмпбелл, начальник штаба обороны, попытался успокоить ситуацию.

— Господин президент, формально, Квебек проголосовал демократическим путем. А Франция — исторический союзник, член НАТО... ну, то, что от него осталось.

«Франция — это троянский конь Москвы!» — перебил Миллер, пенясь от ярости. «Если мы позволим французам обосноваться в Монреале, русские последуют за нами. Завтра у нас будут ракеты». *Циркон* Это направлено на Нью-Йорк с горы Мон-Рояль и на российские атомные подводные лодки в реке Святого Лаврентия. Это неприемлемо. Это вопрос жизни и смерти.

Он обратился к своему министру обороны.

— Мобилизовать 10-ю горнопехотную дивизию. Развернуть Национальную гвардию Вермонта и Нью-Йорка. Закрыть границу. И направить ультиматум Парижу и Квебеку: отменить это голосование, или мы войдём.

— Сэр, вторжение в Канаду... это гражданская война в Северной Америке.

— Гражданская война лучше, чем российская база у наших границ. Казнь!

26 июня 2042 г.

Северная Атлантика.

На борту десантного вертолетоносца «Мистраль».

Адмирал де Кастри, преклонного возраста, но всё ещё столь же прямой, как и прежде, читал донесение из Вашингтона. Он стоял на мостике. *Мистраль* флагман оперативной группы «Лафайет», двигавшийся на полной скорости в сторону залива Святого Лаврентия.

Рядом с ним генерал, командующий Иностраным легионом, смотрел на серый горизонт.

«Американцы сосредоточили бронетехнику в Лаколле и Стэнстедде, — сказал генерал. — Они блефуют?»

«Миллер не блефует, — ответил де Кастри. — Он боится. А страх делает людей опасными. Он думает, что мы ведем Красную Армию».

Де Кастри взял защищенный телефон, подключенный к Елисейскому дворцу. На линии был Адриен Монтень.

— Господин президент, мы приближаемся к Ньюфаундленду. Американский Атлантический флот покидает Норфолк, чтобы перехватить нас.

— *Каков ваш состав, адмирал?*— спросил Монтень спокойным, но напряженным голосом.

— Только по-французски, сэр. *Мистраль* Два зенитных фрегата и три полка: 2-й иностранный парашютно-десантный полк (2nd REP), 3-й полк морской пехоты (3rd RIMa) и 1-й полк спагитов. Ни одного русского. Ни одного советника, ни одного повара, ни одной пули русского калибра.

— *Отлично. Продолжайте движение. Если ВМС США преградят вам путь, не открывайте огонь первыми. Но предупредите их.*

— А русские?

— *Путин заверил меня, что его подводные лодки класса «Ясень» находятся в 50 морских милях позади вас. Невидимые. Если американцы откроют огонь по французскому флагу... они получают ответ от Альянса.*

Де Кастри повесил трубку. Он посмотрел на своих офицеров.

«Поднимите большой флаг, — приказал он. — Я хочу, чтобы они увидели синий, белый и красный цвета с луны. Мы разыгрываем карту Лафайета».

27 июня 2042 г.

Граница между Квебеком и Соединенными Штатами.

Пограничный пост Сен-Бернар-де-Лаколь.

Тишина была оглушительной.

По одну сторону заграждения — американские танки M1A3 Abrams, ревущие двигатели, орудия, направленные на север. Тысячи солдат Национальной гвардии, нервничая, держат пальцы на спусковом крючке.

С другой стороны, никаких тяжелых танков. Только французские боевые машины пехоты (VBCI), окрашенные в цвета ООН, но с французским флагом на башне. И люди.

Легионеры 2-го иностранного парашютного полка. Они не прятались. Они стояли там, в зеленых беретах, спокойно курили сигареты и смотрели на американцев с тихой надменностью элитных солдат, повидавших худшее.

Посреди пограничного моста вышел капитан Легиона, один и безоружный. В руках у него был мегафон.

Напротив него из своего «Хамви» вышел американский полковник. Его

звали...**Страйкер** На его тактическом жилете черным трафаретом было написано: «...».

— *Это полковник Страйкер, армия США.* — крикнул американец. *Вы нарушаете суверенитет Северной Америки. Повернитесь назад, иначе мы откроем огонь.*

Французский капитан улыбнулся. Он поднёс мегафон к губам. Его английский был безупречен, с едва уловимым оттенком, характерным для легиона.

— Это капитан Д'Артуа. Мы здесь по приглашению суверенного правительства Квебека. Мы — франкоязычный миротворческий контингент. Внимательно посмотрите на нашу форму, полковник.

Он широко раскинул руки.

«Здесь нет русских. Только потомки Рошамбо и Лафайета. Вы собираетесь стрелять по союзникам, которые помогли основать вашу страну? Вы собираетесь начать Третью мировую войну ради демократических выборов?»

Полковник Страйкер заколебался. Он посмотрел на своих людей. Многие опустили глаза. Стрелять по «коммунистам» или террористам — это одно. Стрелять по французам — значит стрелять в историю.

В наушнике Страйкер слышал, как Пентагон выкрикивает противоречивые приказы. Но его датчики сообщали ему нечто другое. Нечто ужасающее.

У берегов Нью-Йорка и Бостона только что появились магнитные аномалии. «Черные дыры» в океане. Российские подводные лодки. Они были там. Они ничего не говорили, но их присутствие кричало: *«Прикоснись к французскому языку — и умрешь».*

Полковник Страйкер плюнул на землю. Он махнул рукой.

— Отступите (Repos).

Орудия танков «Абрамс» слегка приподнялись.

На мостике капитан Д'Артуа закурил еще одну сигарету. Сегодня Квебек не будет оккупирован. Граница удержана. Альянс только что одержал свою первую победу на американской земле, не сделав ни единого выстрела.

ГЛАВА 13: КРАСНАЯ ЛИНИЯ

27 июня 2042 г.

Граница между Квебеком и Вермонтом.

Пост Сен-Бернар-де-Лаколь.

07:30.

Восход солнца озарил картину, превосходящую всякое воображение. С одной стороны — необузданная механическая мощь Америки: ряды танков «Абрамс», вертолеты «Апачи», кружащие вдали. С другой — тонкая, почти незаметная линия французских легких бронированных машин. *Ягуар И Грифон.*

Между ними, *Ничейная земля*сто метров асфальта.

Капитан Д'Артуа из 2-го иностранного парашютного полка (2nd REP) докурил третью сигарету. Он знал, что американские снайперы целый час держат его голову на прицеле. Он также знал, что они не будут стрелять.

— *Мой капитан*Его радио затрещало. *Эхо-сектор. Полковник Страйкер выходит из машины.*

Американский офицер в одиночку продвинулся к центральной линии. Он снял шлем. Выглядел изможденным, разъяренным, но смирившимся. Д'Артуа шагнул ему навстречу.

Двое мужчин стояли лицом к лицу, на расстоянии метра друг от друга. История наблюдала за ними.

«Я получил приказ из Вашингтона, — прорычал Страйкер. — Мы сохраняем оборонительные позиции. Но если хоть один из ваших легионеров ступит на землю штата Нью-Йорк, мы превратим этот пограничный пост в автостоянку».

«Мы не захватчики, полковник, — спокойно ответил Д'Артуа. — Мы гости. Квебек — франкоязычное убежище. Пока вы остаетесь дома, мы тоже остаемся дома».

Страйкер заглянул через плечо француза. Он увидел трехцветный флаг, развевающийся над зданием канадской таможни. Он плюнул на землю.

— Лафайет, должно быть, переворачивается в гробу.

— Наоборот, полковник. Он бы гордился. Мы защищаем свободу народа. Разве не этому вы нас учили?

В то же время.

Северная Атлантика.

У побережья Лонг-Айленда (международные воды).

Море было как нефть. Радары береговой разведки ВМС США, базирующиеся в Монтоке, нервно сканировали горизонт. Они искали российский флот. Они искали тысячи кораблей.

Они обнаружили лишь одну аномалию.

В двадцати двух километрах от американского побережья, прямо на границе территориальных вод, океан внезапно вздулся. Из глубины с ревом пены хлынула гора черной воды.

Это был не надводный корабль. Это был Левиафан.

Атомная баллистическая подводная лодка третьего поколения (SSBN). *Бдительный* Оно вынырнуло на поверхность. Его огромный черный корпус сверкал на солнце. Оно не проявляло никакой враждебности. Оно просто плыло там, молча, видимое с пляжей Хэмптонса.

На киоске открылся люк. Моряк поднялся на борт и водрузил огромный флаг.

Синий. Белый. Красный.

Это не было нападением. Это был знак отличия. Франция как бы говорила Америке: *«Я здесь. Я один. Но я могу стереть тебя с лица земли»*.

Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия.

Ситуационная комната.

8:00 утра

В кризисном центре воцарилась мертвая тишина. На главном экране по кругу повторялось спутниковое изображение французской подводной лодки у берегов Нью-Йорка.

Президент Миллер был бледен.

«Они смеют бросать нам вызов на нашей собственной земле?» — пробормотал он. «Потопите его. Отправьте ударную подводную лодку класса «Вирджиния» и потопите этого ублюдка».

Начальник штаба, генерал Кэмпбелл, дрожащей рукой положил руку на плечо президента.

— Сэр, мы не можем.

— Почему? Потому что у нас превосходство на море!

— Посмотрите на датчики гидролокатора, сэр.

Адмирал показал новый слой данных на карте. Вокруг **Бдительный** в глубине воды внезапно появились еще пять призрачных звуков. Они не вывешивали своих флагов, но их акустическое звучание было неповторимым.

Сорт *Иассен-М* Россия.

«Русские здесь», — объяснил Кэмпбелл дрожащим голосом. **Они использовали *Бдительный* в качестве акустической маскировки. Шум французской подводной лодки заглушал их собственный. Это старая советская тактика, но выполненная до совершенства.** Они сопровождают французскую подводную лодку. Если мы откроем огонь по французской, пять русских подводных лодок нанесут ответный удар. У них есть гиперзвуковые ракеты. *Циркон* тактическая ядерная боеголовка. Время полета до Вашингтона: 3 минуты.

Миллер плюхнулся в кресло. Это была идеальная ловушка.

Франция была достойной витриной, дипломатическим символом, флагом.

Россия была скрытой силой, невидимым телохранителем в тени.

«Они нас поймали», — выпалил президент.

Зазвонил красный телефон. Это была прямая линия Париж-Вашингтон.

Миллер смотрел на трубку так, словно это была ядовитая змея. Наконец он поднял трубку.

— Это Миллер.

— *Господин Президент* — произнес Адриен Монтень плавным, почти дружелюбным голосом. *Я считаю, что пришло время снизить накал страстей.*

— У берегов Нью-Йорка находится атомная подводная лодка, Адриен! Это акт войны!

— *Это визит вежливости. Государственный визит. Мой корабль отбудет, как только вы признаете протекторатский статус Квебека.*

— А если я откажусь?

— *Так что мы останемся. И торговля прекратится. Больше никаких редкоземельных элементов для вашей Кремниевой долины. Больше никакого урана для ваших электростанций. Больше никаких лекарств для ваших больниц. Мы перекроем кран, Джон. Ваша экономика продержится две недели. Моя — сто лет.*

Такова была реальность нового мира. Угроза перестала быть военной; она приобрела логистический характер. Америка превратилась в остров, зависящий от Евразийского континента в вопросах своего технологического выживания.

Миллер закрыл глаза. Он думал о промежуточных выборах. Он думал об инфляции. Он думал об истории.

«Хорошо, — сказал он. — Выведите свою подводную лодку. Мы признаем результаты референдума в Квебеке. Но ни одного солдата к югу от 45-й параллели».

— *Это граница мира, Джон. Никто её не пересечёт. Хорошего дня.*

Связь прервалась.

Миллер посмотрел на своих генералов.

— Перезвони Страйкеру. Скажи ему, чтобы он развернулся.

Граница между Квебеком и Вермонтом.

10:00 утра

Рев американских дизельных двигателей сотряс воздух. Танки «Абрамс» развернулись, их гусеницы с хрустом цеплялись за асфальт, и направились обратно на юг.

Капитан Д'Артуа наблюдал, как облако пыли рассеивается. Он достал последнюю сигарету, но зажигалка уже не работала.

Перед ним появилась протянутая рука, держащая серебряную зажигалку Zippo.

Д'Артуа обернулся. Это был офицер спецназа в штатской одежде, появившийся откуда никуда и улыбающийся. Официально он не имел права там находиться.

— *Khoroshaya rabota* «Хорошая работа», — сказал русский.

Д'Артуа закурил сигарету и вернул зажигалку.

— Спасибо. Но, пожалуйста, не появляйтесь на фотографиях. Это французская операция.

Русский моргнул и скрылся в толпе прибывающих журналистов.

Капитан Д'Артуа поднял взгляд на свободно развевающийся флаг Квебека. Красная линия была проведена. Северная Америка больше не представляла собой монолитный блок. Евразийская империя только что ступила на землю Нового Света, и Новый Свет опустил свой взор.

ГЛАВА 14: ЦИФРОВАЯ ЦИТАДЕЛЬ

14 октября 2043 г.

Лион, район Конфлюенс (Биотехнологическая долина).

07:30.

Александр Верне открыл глаза еще до того, как сработал будильник. Свет в его комнате, проникающий сквозь «умное» стекло, имитировал естественный рассвет, что способствовало оптимальному гормональному пробуждению.

Он сел на край кровати и приложил запястье к сканеру на прикроватной тумбочке.

—Привет, Александр!— раздается мягкий голос Мистраля, встроенного в квартиру бытового искусственного интеллекта.*Утренний анализ завершен. Низкий уровень кортизола. Оптимальная оксигенация. Обнаружено незначительное воспаление печени, вызванное вчерашним ужином. Ваш биопринтер синтезировал необходимое средство.*

Из незаметной трещины в стене показалась маленькая зеленая капсула. Александр проглотил ее, запив стаканом воды. Он даже не стал больше об этом думать. Рак, диабет, хронические болезни... все это было в прошлом. Лионская «Биотехнологическая долина», финансируемая миллиардами из «Феникссского плана» и подпитываемая российскими фундаментальными исследованиями, превратила здравоохранение в точную, предсказуемую науку.

Он встал и посмотрел в окно. Рона величественно текла, окаймленная футуристическими зданиями, покрытыми растительностью. Вдали можно было различить безобидные клубы пара из градилен центров обработки квантовых данных.

Александр не был солдатом. Он не был политиком. Он был инженером-криптографом. **Инфоманиак-Квант**, суверенный облачный гигант. А сегодня он должен был отправиться в «Хранилище».

10:00 утра

Женева, Швейцария.

Подземный дата-центр "Ле-Лак".

На глубине 150 метров ниже Женевского озера.

Региональный магнитный поезд преодолел расстояние от Лиона до Женевы за двадцать пять минут.

Александр прошёл через контрольно-пропускные пункты. Никакого личного досмотра, только биометрическая и... психологическая аутентификация. Нейронные датчики подтвердили, что он не находился под принуждением.

Он вошёл в Святилище.

Это был собор из стекла и голубого света, погруженный в ледяную воду озера для охлаждения процессоров. Здесь билось цифровое сердце Альянса. Медицинские данные 800 миллионов европейцев и россиян, планы по созданию термоядерных реакторов, операции с новым франком... все это было там.

Александр вернулся на свой пост управления. Его коллега, русский математик Дмитрий, ел яблоко, наблюдая за прокручивающимися в 3D строками кода.

«Здесь тихо?» — спросил Александр.

«Слишком спокойно», — ответил Димитрий. «Американцы нервничают. После квебекского скандала АНБ стало действовать агрессивно. Они сканируют наши пункты пропуска каждую миллисекунду».

Александр сел и подключил свой нейронный интерфейс. Он «увидел» сеть. Это был не хаотичный интернет 2020-х годов. Это была идеальная, кристаллическая структура, защищенная шифрованием на основе квантового распределения ключей (QKD).

Внезапно кристалл покраснел.

В их сознании раздался тихий сигнал тревоги, воспринимаемый только подключенными операторами.

—ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ВТОРЖЕНИИ— объявил Мистраль, и его голос, перешедший из домашнего в воинственный, изменился. *Масштабная атака с использованием квантового насыщения и модифицированного алгоритма Шора. Они пытаются разложить на множители открытый ключ банковского сектора. Местонахождение: Форт-Мид, Мэриленд. Подпись: Специализированные операции доступа (АНБ).*

«Они действуют на полную мощность», — прошипел Дмитрий. «Они используют всю вычислительную мощность своего суперкомпьютера «Эскалибур». Они пытаются взломать шифрование методом перебора».

Александр не запаниковал. Он наблюдал за атакой так же, как наблюдают за волной, разбивающейся о гранитную скалу.

Американцы использовали кремниевые компьютеры, работающие на пределе своих возможностей. Они пытались разложить на множители гигантские простые числа методом перебора.

Но Альянс использовал **Кубиты**.

«Активируйте Зеркало», — приказал Александр.

Димитрий ввел заказ.

«Квантовый щит» немедленно вступил в действие. Вместо того чтобы блокировать атаку, система Альянса использовала квантовую запутанность. Атака была поглощена, проанализирована и мгновенно отправлена обратно отправителю с полиморфным вирусным зарядом.

В то же время.

Форт-Мид, штат Мэриленд, США.

QG де ла АНБ.

В комнате для кибервойны одновременно погасли все экраны.

«Что происходит?» — крикнул директор по операциям. «Мы потеряли связь?»

«Это... это обратная реакция, шеф!» — пробормотал аналитик. «Наши брандмауэры плавятся. Вирус проникает в нашу защиту, как будто её и не существует. Он переписывает BIOS наших серверов!»

Из серверной стойки полетели искры. Комнату наполнил запах озона и горящего пластика. Включилась аварийная система охлаждения, сопровождаемая оглушительным воем сирен.

На главном экране, который сохранился, появилось сообщение, написанное пикселизированными зелеными буквами на французском, русском и английском языках.

"ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН."

ВАШИ ТЕХНОЛОГИИ УСТАРЕЛИ.

ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

В следующий раз мы ликвидируем ваши долги... и ваши банковские счета.

— L'ALLIANCE »

Директор АНБ уставился на свои чёрные экраны. Он только что потерял данные за десять лет за десять секунд. Они были похожи на детей, играющих палочками против богов, вооружённых молниями.

12:00.

Женева.

Александр снял свой интерфейс. У него слегка болела голова, но боль быстро прошла после прикосновения к часам.

«Всё кончено?» — спросил он.

«Они ничего не знают», — подтвердил Дмитрий со смехом. «Им понадобятся недели, чтобы перезагрузить свои критически важные системы».

«Они никогда не поймут», — вздохнул Александр. «Они всё ещё мыслят категориями „огневой мощи“. Они не осознали, что материя изменила своё состояние».

Он встал. Было время обеда. Он планировал пообедать со своей женой, которая прилетела из Милана полуденным поездом в Женеву, чтобы отправиться за покупками.

Он вышел из бункера. Альпийский воздух был чистым. Женевское озеро сверкало. Парусные лодки мирно скользили по воде.

Александр посмотрел на свой телефон. Уведомление из банка: ему только что выплатили зарплату золотыми франками. Его покупательная способность позволяла ему жить как король.

Он чувствовал себя свободным.

Свободен от болезней.

Освободитесь от страха перед завтрашним днем.

Освобожден от американской слежки, отравлявшей начало века.

Конечно, он знал, что DGSi, вероятно, читает его электронные письма, а Мистраль анализирует его сны. Но такова была цена соглашения. Соглашения, которое он без колебаний продлевал каждое утро.

Он направился к станции, ничем не примечательный гражданин ведущей мировой державы, в то время как по другую сторону Атлантики павшая сверхдержава отчаянно пыталась снова включить свои компьютеры.

ГЛАВА 15: ЕВРАЗИАТСКИЙ ПАКЕТ

14 июля 2045 г.

Париж, Елисейские поля.

10:00. Парад Победы.

Небо над Парижем было идеально голубым, очищенным климатическими дронами, патрулировавшими территорию с рассвета. Июльскую жару смягчали гигантские системы распыления воды, установленные вдоль самой красивой улицы в мире.

Но это была не обычная толпа в День взятия Бастилии. Это был не национальный праздник. Это была имперская месса.

Эдриен Монтень стоял в президентской ложе на площади Согласия. Его волосы были седыми, как снег, а лицо испещрено гнетущей ответственностью полутора десятилетий правления. Он слегка опирался на перила, чувствуя тяжесть истории на своих сгорбленных плечах.

Справа от него — Владимир Путин. Он тоже постарел, но сохранил ту неизменную неподвижность, тот сфинксоподобный взгляд, который выдержал бури столетия.

«Посмотри на них, Адриен, — пробормотал русский, указывая на Триумфальную арку. — Они не ходят. Они текут, как река».

Музыка Республиканской гвардии, усиленная голографическими динамиками, разносилась по всему Парижу. Но это была не просто игра музыки. *Марсельеза* Она исполнила новый симфонический марш, объединив французские духовые инструменты и хоры Красной Армии.

Войска прибывали.

Во главе строя стоял Иностранный легион, медленно шагающий с топорами, а впереди шли бородатые пионеры.

Сразу за ними, в ногу, шел элитный полк гвардейского спецназа в черно-золотой парадной форме.

Затем появились батальоны «Протектората»: «Квебекские синие каски», которых встретили овацией толпы.

За ними следуют алжирские морские пехотинцы, гордые опоры Юга.

Это была мировая армия. Объединенные силы, которые держали Евразию и Африку в своей железной хватке.

«Вы помните 2032 год?» — спросил Монтень, не отрывая взгляда от солдат. «Они

называли нас чудовищами. Они говорили, что мы собираемся уничтожить цивилизацию».

«Мы спасли его от самого себя, — ответил Путин. — Европа хотела покончить с собой из-за гордыни. Мы взяли его под опеку, чтобы он выжил. Посмотрите на Берлин сегодня. Это богатый город. У них нет права голоса в Совете Безопасности, это правда. Но у них есть отопление, работа и мир. Разве это не то, чего действительно хотят люди? Хлеб и зрелища?»

Грохот в небе заставил землю содрогнуться.

Смешанный воздушный патруль пролетел мимо. Клубы дыма теперь образовывали не просто трехцветный флаг. В небе над Парижем они сформировали Феникса Альянса, золотого и пурпурного цвета.

Истребители Rafale F6, самолеты Су-75 "Checkmate" и новые тяжелые боевые дроны Neugo-n совершили синхронный полет "крыло к крылу" под управлением системы искусственного интеллекта Mistral.

Монтень смотрел на толпу. Миллионы людей. Французы, конечно, но также и туристы со всей империи. Они размахивали флагами. Они улыбались. Они казались счастливыми. Забыли ли они хаотичную свободу прошлого? Или же они добровольно обменяли её на эту абсолютную безопасность, это технологическое процветание, это идеальное здоровье, гарантированное государством?

«Свобода — это западная иллюзия, Адриен, — сказал русский, словно читая его мысли. — Порядок — единственная реальность».

Группа немецких и итальянских офицеров, входящих в состав логистического корпуса, прошла перед трибуной. Они отдали честь, глядя прямо перед собой. Они смирились со своей судьбой. Они были руководителями европейской провинции, и этого им было достаточно.

Монтень вспомнил бронепоезд в Альпах тринадцать лет назад. Тошноту, которую он испытывал, подписывая пакт. Эта тошнота исчезла. Ее сменила холодная уверенность.

Он был прав.

Он повернул голову к послу Соединенных Штатов, зажатому в третьем ряду протокольной стойки, между представителями Бразилии и Индии. Американец наблюдал за парадом со смесью восхищения и ужаса. Он понимал, что его страна, окруженная двумя океанами, теперь представляет собой не что иное, как гигантский остров, богатый, но одинокий, оторванный от сердца мира.

«Мы построили современный Рим, Владимир», — сказал Монтень.

«Лучше, чем Рим», — поправил русский. «Рим в конце концов пал. У нас есть термоядерный синтез и квантовые вычисления. Мы не падём».

Парад подходил к концу. Последние платформы. *Арми-Леклерк* Они проехали мимо площади Согласия. Музыка затихла, уступив место гимну Альянса.

Адриен Монтень выпрямил свою сгорбленную фигуру. Он уставился на горизонт, на восток, где рельсы «Стального дракона» мчались к Москве и Пекину.

Он пожертвовал своей честью ради спасения своего народа.

Он уничтожил европейский идеал, чтобы построить имперскую реальность.

Он предал своих союзников, чтобы найти более сильных.

Если бы ему пришлось сделать это снова, он бы подписал контракт ещё раз.

Он пожал руку своему российскому коллеге под одобрительные возгласы толпы.

Это было 14 июля 2045 года.

Война закончилась.

Царил мир.

Тяжелый, вооруженный, контролируемый, блестящий и непреклонный мир.

Он *Евразийский мир*.

ЭПИЛОГ: КРАСНЫЙ ПАСПОРТ

12 сентября 2046 г.

Международный аэропорт Дубая.

Терминал 3 - Глобальная транзитная зона.

8:15 утра

Аэропорт Дубая по-прежнему оставался перекрестком мира, стеклянно-стальным муравейником, где встречались все нации. Но география очередей изменилась.

У стойки **А** Вокруг толпилась многолюдная толпа. Британские туристы, южноамериканские бизнесмены и, прежде всего, американцы. Они с явным беспокойством держали в руках свои синие паспорта с изображением белоголового орла.

Молодой американец лет тридцати, в мятой рубашке, пытался договориться с сотрудником иммиграционной службы ОАЭ.

«Послушайте, моя виза действительна; я подал заявку в электронном виде три недели назад! Просто мою кредитную карту Wells Fargo заблокировали из-за новых санкций в отношении доллара...»

Офицер даже не поднял глаз от экрана.

— Отказано. Без банковской гарантии в золоте или новых франках вам не разрешат вернуться. Очередь на репатриацию номер 4. Следующий.

Американец, покрасневший от стыда и разочарования, собрал свой багаж под раздраженными взглядами стоящих в очереди. Он обернулся и увидел на другом конце зала билетную кассу. **Б**.

Очереди в билетной кассе не было. **Б** Всего лишь красная ковровая дорожка и биометрические ворота, светящиеся мягким зеленым светом.

На золотой вывеске отображалась следующая информация на трёх языках (арабском, французском, русском):

ГРАЖДАНЕ АЛЬЯНСА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ.

К портику направился мужчина лет сорока, одетый в безупречный льняной костюм. Это был Александр Верне. В руке он держал небольшой блокнот.

Это был не старый бордовый паспорт Европейского союза. Это был документ глубокого, почти кроваво-красного цвета, по текстуре напоминающий русскую кожу.

На обложке, вытисненной золотыми буквами, не было написано ни «Французская Республика», ни «Российская Федерация». Там было написано:

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Свобода - Порядок - Процветание

В центре эмблемы поражало воображение: русский двуглавый орёл, но с одной из голов, заменённой гордым профилем галльского петуха, и всё это увенчано возрождённым фениксом.

Александр даже не остановился. Он просто положил паспорт на киоск.

Раздался гармоничный звуковой сигнал.

— Добро пожаловать в Дубай, господин Вернет. — произнес теплый, синтезированный голос. Ваш статус Alliance-Platinum подтвержден. Доступ в VIP-зал зарезервирован для вас. Ваш трансфер на поезд на магнитной подушке до Шанхая подтвержден.

Американец ошеломлённо наблюдал за происходящим. Он видел, как Александр с аристократической небрежностью убрал свой красный паспорт. Он видел, как эмиратские таможенники приветствовали француза с уважением, которое раньше оказывалось только королям или посланникам из Вашингтона.

Александр встретил взгляд американца. В его глазах читались усталость, зависть и полное непонимание. Казалось, американец недоумевал, как мир мог так быстро измениться, прежде чем он это заметил.

Александр не улыбнулся насмешливо. Просто вежливо, почти сочувственно кивнул. Он знал, что этот человек расплачивается за слепоту его предков.

Он пересёк портик и вошёл в кондиционированное, благоухающее и тихое помещение.

Снаружи, на взлетной полосе, гиперзвуковой самолет в цветах Air France-Aeroflot готовился к взлету в восточном направлении, навстречу восходящему солнцу, к сердцу мира.

Запад капитулировал.

Евразия возродилась.

А в кармане Александра Македонского маленький красный паспорт весил столько же, сколько целая империя.

КОНЕЦ.